

О ѿ сұнорѡмѣva праѹмата
(*Epicurus, Epistula ad Herodotum*, 76)
К вопросу о возникновении языка в теории
Эпикура*

Занимаясь исследованием античных теорий возникновения культуры, мы обратили внимание на трудный для понимания пассаж из “Письма к Геродоту” Эпикура (*Diog. Laert. X, 76*). В связи с теорией появления и развития языка Эпикур говорит о зарождении обозначений для неких вещей (о ѿ сұнорѡмѣva праѹмата), идентификация которых вызывает затруднения и служит предметом дискуссии в научной литературе. Разбор существующих на этот счет мнений побудил нас обратиться к истории толкования пассажа, помогающей выявить истоки господствующего в настоящее время понимания, основанного в конечном счете на старинной конъектуре. Неудовлетворительность предложенных прежде исправлений побуждает нас (вслед за некоторыми учеными) вернуться к рукописному тексту и дать собственное его толкование. При этом экскурс в историю экзегезы пассажа поможет, как мы надеемся, не только подвести к нашей собственной интерпретации пассажа, но и выяснить некоторые детали издательской судьбы столь важного для истории философии текста, каким является сочинение Диогена Лаэртия.¹

• Мы признательны А.К.Гаврилову и Д.В.Панченко за их дружеские советы, которые, как мы надеемся, способствовали прояснению наших тезисов и аргументации. Особую благодарность выражаем сотруднику Античного кабинета М.С.Лурье, затратившему много времени на помощь нам в работе с TLG (электронный *Thesaurus Linguae Graecae*). Большую помощь при окончательном редактировании статьи оказал нам Э.Л.Поляков. Статья является частью работы, для написания которой мы получили финансовую помощь фонда Уайтинга (США).

¹ Соответствующее современным требованиям критическое издание всего текста Диогена Лаэртия до настоящего времени отсутствует. Из новейших изданий только издание Х.Лонга обладает критическим аппаратом, однако не полным и не всегда точным (*Diogenis Laertii vitae philosophorum*, ed. H.S.Long, I-II, Oxford 1964). Его оценку и перечень негативных рецензий см. в работе: J.Meier. *Diogenes Laertius and the Transmission of Greek Philosophy* // ANRW II. 36. 5, 1992, 3558; здесь же сообщается о новом критическом издании, подготавливаемом М.Марковичем. Для частн сочинения, содержащей письма и изречения Эпикура, надежной основой является издание Петера фон дер Миля (*Epicuri epistulae tres et ratae sententiae*, ed. P.von der Mühl, Leipzig 1922). Более полный критический аппарат, содержащий чтения не-

Итак, обратимся к интересующему нас месту (*Ep. Hdt.* 75-76):

‘Αλλὰ μὴν ὑποληπτέον καὶ τὴν φύσιν πολλὰ καὶ παντοῖα ὑπὸ αὐτῶν τῶν πραγμάτων διδαχθῆναι τε καὶ ἀναγκασθῆναι· τὸν δὲ λογισμὸν τὰ ὑπὸ ταύτης παρεγγυηθέντα ὕστερον ἐπακριβοῦν καὶ προσεξενερίσκειν ἐν μέν τισι θάττον, ἐν δέ τισι βραδύτερον καὶ ἐν μέν τισι περιόδοις καὶ χρόνοις [ἀπὸ τῶν ἀπὸ τοῦ ἀπείρου] <κατὰ μείζους ἐπιδόσεις>, ἐν δέ τισι κατ’ ἔλάττους. “Οθεν καὶ τὰ ὄντα εἰς ἀρχῆς μὴ θέσει γενέσθαι, ἀλλ’ αὐτὰς τὰς φύσεις τῶν ἀνθρώπων καθ’ ἔκαστα ἔθνη ἵδια πασχούντας πάθη καὶ ἵδια λαμβάνοντες φαντάσματα ἰδίως τὸν ἀέρα ἐκπέμπειν στελλόμενον ὦφ’ ἔκαστων τῶν παθῶν καὶ τῶν φαντασμάτων, ὡς ἂν ποτε καὶ ἡ παρὰ τοὺς τόπους τῶν ἔθνων διαφορὰ ἦν ὕστερον δὲ κοινῶς καθ’ ἔκαστα ἔθνη τὰ ἵδια τεθῆναι πρὸς τὸ τὰς δηλώσεις ἥττον ἀμφιβόλους γενέσθαι ἀλλήλαις καὶ συντομωτέρως δηλουμένας· τινὰ δὲ καὶ οὐ 15 συνοράμενα πράγματα εἰσφέροντας τοὺς συνειδότας παρεγγυησαί τινας φθόγγους τοὺς ἀναγκασθέντας ἀναφωνῆσαι, τοὺς δὲ τῷ λογισμῷ ἐλομένους κατὰ τὴν πλειότην αἰτίαν οὕτως ἐρμηνεῦσαι.

Apparatus criticus:

2 αὐτῶν τῶν BHPQ: τῶν αυτῶν F: τῶν αὐτῶν τῶν Gf // 5-6 ἀπὸ τῶν ἀπὸ τοῦ ἀπείρου BGHPQf (ἀπὸ τῶν om. F) del. Usener, v.d. Mühll, solum ἀπὸ τοῦ ἀπείρου del. Sedley / κατὰ μείζους ἐπιδόσεις expl. Leopold, lac. primum indic. et expl. μείζους λαμβάνειν ἐπιδόσεις (κατ’ post τισι in καὶ corr.) Usener, ἰδίων χρειῶν κατὰ μείζους ἐπιδόσεις (post ἀπὸ τῶν) Sedley // 12 ἦν Usener: εἴη libri // 14 ἀλλήλαις PBCoZf: ἀλλήλους F, ἀλλήλοις Meibom. / συντομωτέρως B: συντομωτέρας HPQ // 15 εἰσφέροντες HPQ / τοὺς συνειδότας H/ καὶ τοὺς μὲν Gassendi, ὃν τοὺς μὲν Meibom., τοὺς

которых второстепенных, не отраженных в аппарате фон дер Мюля рукописей, имеется в издании Германа Узенера (*H. Usener. Epicurea. Leipzig 1887*, в *Praefatio I-XVII* этого издания содержатся основополагающие для изучения этой части текста Диогена Лаэртия указания). При написании этой работы нам остались, к сожалению, недоступными два важных в текстологическом и экзегетическом отношении перевода: *Epicurus. Opere, frammenti, testimoniante sulla vita*, trad. da E. Bignone. Bari 1924 и *Diogene Laerzio. Vite dei filosofi*, trad. da M. Gigante I-II, 3 ed. accresc. Roma — Bari 1983. Упомянем также о двух недоступных нам новейших исследованиях — монографии Д. Кнепфера, посвященной рукописной традиции Диогена Лаэртия (*D. Knoepfler. La Vie de Ménédème d'Eretrie de Diogene Laërce // Schweiz. Beitr. z. Altert. 21, Basel 1991*), известной нам по рецензии Х. Швабля (WSt 105, 1992, 270f.), и диссертации Б. Деборда, посвященной истории издания и изучения текста Диогена Лаэртия (*B.A. Desbordes. Introduction à Diogene Laëtre. Diss. Rijksuniversiteit te Utrecht 1990*).

del. Usener, τοῦς μὲν Guissani, μὲν οὖν Sedley (post φθόγγους interpnx.), 'nihil mutandum' v.d. Mühl in app. // 17 τῶν λογισμῶν H / ἐπομένους Schneider (Traversari duce) // 18 αἰτίαν] συνήθειαν Gassendi, φαντασίαν Usener in app.

Приведенный отрывок из “Письма к Геродоту” начинается с утверждения общего принципа, лежащего в основе теории развития культуры Эпикура. Цивилизация отнюдь не является плодом самостоятельных усилий изобретательного человеческого разума. Напротив, сами вещи, т.е. окружающие предметы и явления, своим физическим воздействием некогда принудили человека к поступкам, ставшим частью цивилизованного поведения; они же, вещи, многому научили человеческую природу (Эпикур, видимо, подразумевает здесь приобретение навыков, представляющих собой простое подражание явлениям окружающего мира). Разум же впоследствии лишь совершенствует и дополняет новыми изобретениями то, что передано ему (παρηγγυηθέντα) человеческой природой, приобретшей умения и навыки неrationально, но в виде простой реакции на внешние условия жизни.

Эта вспомогательная роль разума в истории цивилизации проясняется затем на примере возникновения языка.² Здесь, как и в развитии культуры в целом,³ Эпикур усматривает две стадии: первоначальную, на которой звуки возникают как непосредственные реакции на воздействие самих вещей, и более позднюю, где эти звуки совершенствуются разумом, только здесь вступающим в свои права.

² Из работ последнего времени, посвященных теории языка Эпикура, особенно важны: A.A.Long. Aisthesis, Prolepsis and Linguistic theory in Epicurus // BICS 18 (1971) 114-133 и D.N.Sedley. Epicurus, On Nature Book XXVIII // BCPE 3 (1973) 5-83 (статья Седли включает новое издание папирусных фрагментов книги Эпикура, посвященной в значительной степени вопросам языка; мы признательны Майлсу Бернету и Дэвиду Седли за содействие в получении этой ценной работы). Стимулирующее значение имели для нас замечания Томаса Коула, рассматривавшего эпикурейскую теорию возникновения языка как модификацию культурно-исторических взглядов Демокрита: T.Cole. Democritus and the Sources of Greek Anthropology // American Philological Association Monograph Series 25, Atlanta 1990 (reprint of 1967 edition with Postscript and Addenda) esp. 60-79. Ряд важных наблюдений, на которые мы опираемся, содержится в диссертации Хельфрида Дальмана (J.H.Dahlmann. De Philosophorum graecorum sententiis ad loquellae originem pertinentibus capita duo. Diss. Weidae Thuringorum 1928, imprim. 5-14).

³ Dahlmann. De philosophorum graecorum sententiis... 7-10; Cole. Democritus...72.

Теория возникновения слов,⁴ сформулированная в “Письме к Геродоту”, в основных своих чертах представляется ясной. Слова возникли не “по установлению”, θέσει,⁵ будь то приземленная теория конвенционального происхождения языка (см. *Plat. Crat.* 383c, 384c-d; *Diod. I*, 8, 3-4)⁶ или же более глубокомысленная теория создания слов в соответствии с сущностью самих называемых предметов мудрым, даже божественным законодателем (полемику с подобным воззрением мы находим в двух эпикурейских текстах — у Лукреция, V, 1041-1055, и Диогена из Эноанды, fr. 12 Smith). Слова представляют собой инстинктивную реакцию на воздействие вещей: специфический предмет или явление вызывали у первобытных людей определенные зрительные восприятия и соответствующие эмоции, а те, в свою очередь, специфические звуки, которые создали будущее лексическое разнообразие языка (см. также fr. 334-335 Us. и *Lucr. V*, 1057-1090). Отличия в обозначениях одних и тех же предметов в разных языках объясняются не произволом договора (ср. *Plat. Crat.* 385d) или простой случайностью (ср. *Diod. I*, 8, 4; *Vitr. II*, 1, 1), но влиянием местных условий на характер произнесения звуков.⁷ На второй, рациональной, стадии развития языка возникшие таким образом слова подвергаются упорядочиванию: устраняется двусмысленность в обозначениях (связанная, видимо, с тем, что даже в пределах одной местности предметы вызывают несколько различающиеся звуки), и обозначения, за счет этого устраниния случайных напластований, делаются более краткими.⁸

⁴ Эпикур не касается в “Письме к Геродоту” вопроса о начале речи, то есть использования слов, возникших как экспрессивные сочетания звуков, для обозначения предметов. Указание на появление собственно речи содержится в *Lucr. V*, 1028-1040, см. Cole. *Democritus...* 61 not. 3; Sedley. *Epicurus, On Nature...*, 18 not. 91. Подробнее см. в нашей работе: Возникновение речи в эпикурейской теории // *Philologia classica*. вып. 5 [в печати].

⁵ Нет оснований полагать, что под θέσει здесь подразумевается, как часто в позднейших текстах, только конвенциональное установление.

⁶ О конвенциональных теориях языка, против которых направлена критика Эпикура (видимо, мегарик Диодор Крон и его школа), см. D.Sedley. *Epicurus, On Nature...* 62-64.

⁷ Следуем конъектуре Узенера, предложившего читать ἦ вместо εἴη после διαφορά (конъектура принятая в изданиях фон дер Мюля и Х.Лонга, а также у D.Sedley. *Epicurus, On Nature...* 17) и понимаем фразу следующим образом: “в соответствии с местными отличиями племен”.

⁸ Несмотря на некоторые трудности, мы склонны трактовать фразу ὅστερον δὲ κοινῶς κτλ. как ответ на вопрос, каким образом были закреплены есте-

Наиболее серьезную экзегетическую трудность создает последнее предложение гл. 76. Проследим историю толкования этой фразы. До поправки Гассенди и затем Мейбома издатели, начиная с *editio princeps* Фробена (f), следовали рукописной традиции, в основном не имеющей расхождений, за исключением *τοῦ* вместо *τοὺς* перед *συνειδότας* в Н (скорее всего гуманистическая конъектура, см. ниже) и *εἰσφέροντες* вместо *εἰσφέροντας* в HQ (явно механическая ошибка, объясняющаяся сокращением в Р, апографами которого *ante* и *post correctionem* являются Н и Q resp.).⁹ Исходным пунктом для истории понимания текста должен служить, однако, латинский перевод Амброджо Траверсари (1386-1439), монаха, затем (1431) генерала Камальдолезского ордена, учителя сыновей Козимо Медичи, которому и был посвящен законченный в 1431 г. перевод (сохранилась рукописная копия 1432 г.).¹⁰ Приведем перевод Траверсари нашего места по базельскому изданию Валентина Куриона:¹¹

ственno возникшие слова (*τὰ ἴδια*), то есть путем совершенствования про-износившихся прежде звуков (*ἰδίως τὸν ἀέρα στελλόμενον* из предыдущего предложения). Обычно считают, что речь идет о конвенциональном введении дополнительных слов. Д. Седли предполагает, что речь идет о введении родовых именований, например, “дерево”, вместо естественно появившихся обозначений видов — “дуб”, “ель” и т. п. (*Sedley, op.cit.*, 19). Иначе A.A.Long, D.N.Sedley. *The Hellenistic Philosophers I*, Cambridge 1986, 100: подразумевается введение флексии, союзов и предлогов для большей ясности и местоимений — для большей краткости речи. Мы предпочитаем интерпретировать *τεθῆναι πρὸς τὸ κτλ.* как указание на способ фиксации уже существующих сочетаний звуков, так как темой раздела является происхождение существительных, возможно, также прилагательных (*όνυματα*), а не слов вообще. Кроме того, предыдущая фраза оставляет впечатление недоговоренности в изображении процесса возникновения слов (ср. презенс *ἐκλέμπειν* и аорист *τεθῆναι*). Безусловно должны быть отвергнуты неоднократные попытки объяснить эту стадию как установление конвенциональной связи между словами и вещами вообще (естественная связь, согласно этой интерпретации существует у слов и эмоций, но не у слов и вещей), см. справедливые возражения *D.Sedley, op. cit.*, 18, note. 91.

⁹ См. *H. Usener. Epicurea*, VII, IX, XI.

¹⁰ Ibidem, XIV. О Траверсари, см. *J.E.Sandys. A History of Classical Scholarship II*, Cambridge 1908, 44.

¹¹ *Diogenis Laertii clarissimi historici de vita et moribus philosophorum...* Basileae, in aedibus Valentini Curionis, 1524. Перевод Траверсари был издан впервые в Риме около 1472 года (*Diogenis Laertii vitae et sententiae philosophorum*, hrsg. Aelius Franciscus Marchisius [Rom: Georg Lauer, um 1472]; описание условное по *Gesamtkatalog der Wiegendrucke VII*, Stuttgart 21968, N 8378 — само издание

quasdam insuper res etiam quae non conspiciantur inferendo, ut eos qui es-
sent consciī monerent in sonos quosdam erumpere coactos, illos vero rati-
one duce plurimis ex causis ita interpretatos esse.

Как видно, в отличие от принятого впоследствии (и несомненно правильного) понимания *παρεγγυήσαι* как логического сказуемого первой половины предложения, а *ἀναφωνήσαι* как дополняющего *ἀναγκασθέντας*, Траверсари, напротив, счел сказуемым *ἀναφωνήσαι* с *τινὰς φθόγγους* при нем в качестве прямого дополнения (*erumpere in sonos quosdam*), а *παρεγγυήσαι* истолковал как инфинитив цели (*ut monerent*)¹² с *συνειδότας* как прямым

было нам недоступно). В 1475 году перевод Траверсари, отредактированный Бенедетто Броньоли, был издан в Венеции с предисловием последнего, датированным тем же годом (*Diogenis Laertii vita et sententiae eorum qui in philosophia probati fuerunt. Venezia. Nicolaus Jenson, 1475; описание, ввиду отсутствия титульного листа, условное, по Gesamtkatalog VII, № 8379*). В этой редакции перевод неоднократно перепечатывался в XV — первые десятилетия XVI века (в доступных нам изданиях — Брешианском, Якоба Британника, 1485 г., Венецианских — 1490 и 1493 гг. и парижском издании с маркой De Marief, видимо, начала XVI в. — всюду повторена ошибка издания 1475 г.: *per singulas rationes* вместо *nationes*). В издании Курнона перевод был исправлен по рукописи, предоставленной *Matthaeus Augigallus*, очевидно, той самой, которую *Augigallus* предоставил впоследствии для *editio princeps* И.Фробена (см. Usener. Episc̄ea, XIII), ее считают списком с пражского Z, Lobkowiensis, после исправления третьей рукой (см. *P.von der Mühl* (ed.) *Epicuri Epistulae...V*). Отступления в тексте гл. 75-76 в издании Курнона по сравнению с редакцией перевода Броньоли не существенны для понимания (за исключением исправления упомянутой опечатки *rationes*). Не располагая римским изданием перевода Траверсари (ок. 1472 г.), мы не можем сказать, представляют ли собой эти изменения результат редактирования Курнона или они воспроизводят первоначальный (до редакции Броньоли) вариант перевода Траверсари: согласно указаниям Анри Этьена в предисловии к его изданию 1594 г. (с. 9 третьей пагинации) некоторые издания, в том числе и его собственные, напечатали перевод Траверсари в том виде, который он имел до неудачного, по мнению Этьена, редактирования Броньоли; см. также об ошибках издателя, допущенных при первом печатании рукописи Броньоли (письмо Иоанну Кратону в первом издании Этьена).

¹² Подобное понимание наводит на мысль, что Траверсари опирался в этом случае на чтение одного из флорентийских *mixti H* (Lawrentianus 69-35), где перед *συνειδότας* стоит не *τοῦς*, как в P (Parisiensis 1759), апографом которого является H, и как в двух других важнейших *antiquiores*, B и F, но *τοῦ*, т.е. целевой инфинитивный оборот *τοῦ συνειδότας παρεγγυήσαι* (чтение H указано Узенером, но не приводится в изданиях фон дер Мюля и Лонга). Согласно Узенеру (Episc̄ea XIV и adnot. 4), Траверсари использовал один из интерполированных кодексов смешанного характера, близкий к G (Laur.69-28), но наряду с ним, возможно, также H (Usener, op.cit.XI). В датировке H

дополнением. Само *сυνειδότες* Траверсари понимал, очевидно, как “присутствующие при введении новых вещей”, “участники” (*conscii*). Подобное управление, по-видимому, неизбежное при отказе видеть в *сυνειδότας* подлежащее инфинитивного оборота, является очевидной неудачей: *παρεγγυάω* в самом деле в некоторых случаях приближается по значению к латинскому *moneo* (см. отчетливый пример у Эпикура, *Ep. Hdt.* 37, а также *LSJ*, s.v. I. 2); однако может иметь при себе только *accusativus rei*, и никогда — *accusativus personae*. Удивительно, что ошибочному пониманию *сυνειδότας* как зависящего от *παρεγγυήσαι*, следовали вплоть до Нюрнбергера (т.е. до конца 18 века) все издатели, перепечатывавшие перевод Траверсари, а затем его переработанный Мейбомом вариант (исключением был, как мы увидим, Т.Альдобрандини). Заметим далее, что из перевода Траверсари не вполне ясно, понимал ли он *ἀναγκασθέντας=coactos* как относящееся к людям, то есть предикативно к *ἀναφονήσαι* (так восприняли его *coactos* последующие толкователи текста, иначе, однако, выстраивавшие синтаксическую структуру всей фразы), либо, учитывая *τούς*, рассматривал *ἀναγκασθέντας* как определение к *φθεγγούς* (последнее кажется более вероятным, учитывая его тяготение к буквализму и манеру переводить точно слово за словом).

Во второй части предложения Траверсари отнес *τούς δέ* к *ἔλομένους*, то есть понял артикль как обозначение людей (*сυνειδότες*), а не звуков — подобная трактовка господствовала до конъектуры Мейбома. Наконец, *τῷ λογισμῷ ἔλομένους* Траверсари перевел *ratione duce*, возможно уже читая *ex conjectura τῷ λογισμῷ ἐπομένους* — поправка, которую впоследствии Шнайдер

исследователи колебались между XIV (Розе, Ваксмут) и XV (*Usener*, op. cit., XI; *E.Martini. Analecta Laertiana* // *Leipz. Stud.* 19, 1899, 95: XV или даже XVI), а иногда и XVI в. (*A.Gercke* // *Hermes* 37, 1902, 408f). Нам было недоступно исследование, посвященное в частности, и Н: *G.Donzelli. I codici PQWCoNIEYJb nella tradizione di Diogene Laerzio* // *SIFC* 32 (1960) 156-199. В Н, кроме того, необходимо учитывать коррекцию первой и второй руки (*Martini*, op. cit., 164). Мы пока не в состоянии судить, представляет ли собой чтение *τούς* в Н конъектуру предшественника Траверсари, на которую он опирался в своем переводе, или же отражает влияние самого Траверсари, организовывавшего переписку рукописей во Флоренции, либо его перевода. Только в последний момент мы узнали о существовании работы: *M.Gigante. Ambrogio Traversari interprete di Diogene Laerzio* // *Ambrogio Traversari nel VI centenario della nascita. Firenze*, Olschki 1988, 367-459 (нам пока недоступна).

предложил ввести в текст (за ним то же сделает Кобет, а в изданиях Узенера, фон дер Мюля и Лонга ἐπομένους приводится в аппарате в качестве конъектуры Шнайдера с явным одобрением).

Перевод гл. 75-76 Траверсари в том же варианте, без каких-либо изменений, издавался и в ряде последующих изданий: в лионском — в типографии Себ.Грифиуса (1551 г.);¹³ антверпенском 1566 г. Иоанна Самбука (венгерский гуманист Jánosig Szamboky), отредактировавшего перевод по важным для консти туции греческого текста рукописям, в том числе, одному из трех antiquiores B (Neap. Borbon. III B 29).¹⁴ Первое издание греческого текста Диогена (editio princeps Иеронима Фробена), следовавшее одной рукописи Z (Lobkowiensis), воспроизводит наше место в том виде, в котором оно известно сегодня из antiquiores.¹⁵ Editio princeps следуют и оба издания Стефана — Анри Этьена, в которых перепечатывался все тот же перевод Траверсари, вновь редактировавшийся Этьеном, но для гл. 75-76 соответствующий изданию Куриона.¹⁶ Единственный нюанс по сравнению с Траверсари вносит пунктуация фразы в editio princeps, которую принял и Этьен: запятая, поставленная перед οὗτῳ, связывает теперь κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν с ἐλομένους, а не с ἐρμηνεύσαι, как подразумевает перевод Траверсари.¹⁷

Иначе, чем Траверсари, и явно более правильно пытался истолковать наш пассаж Томазо Альдобрандини, чье издание текста Диогена, использовавшее, в отличие от Этьена, рукопись B (прежде привлекавшуюся Замбоки), с его собственным переводом

¹³ *Diogenis Laertii de vita et moribus philosophorum libri X.* Apud Seb.Griphium, Lugduni 1551, 442.

¹⁴ *Laertii Diogenis de vita et moribus philosophorum libri ... opera Ioannis Sambuci Ternaviensis Pannonii... Antverpiae, ex officina Christophori Plantini* 1566. Полное описание и характеристику этого, незаслуженно забытого впоследствии издания, см. *Usener. Epicurea XVsq. и adnot. 2.*

¹⁵ *Diogenis Laertii. De vitis, decretis et responsis celebrium philosophorum libri decem, nunc primi excusi,* Basileae 1533, 535.

¹⁶ *Diogenis Laertii. De vitis... cum Stephani annotationibus,* Genève 1570, 409 (то же во втором издании 1593 г. и перепечатке его 1594 г., где перевод Траверсари был напечатан en regard и были изданы комментарии племянника Этьена Исаака Казобона, в которых нет, однако, каких-либо указанный, относящихся к нашему пассажу).

¹⁷ Такому пониманию (как нам представляется, правильному) следуют затем и другие издатели XVI-XIX вв.; исключение составляет Гассенди, сохраняющий пунктуацию Фробена, но в переводе связывающий κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν (читает συνήθειαν) с ἐρμηνεύσαι.

и комментарием появилось в Риме в 1594 г.¹⁸ (греческий текст места следует Фробену и Этьену):

quasdam autem res non antea inspectas afferentes, qui sibi consciⁱ essent, eas vocem edere coactos, quibusdam vocum sonis indicavisse, quas quidem ex plurimis causis ratione comprehensas qui audiebant ita esse interpretatas (sic! по-видимому, опечатка вместо “interpretatos”).

Достижением Альдобрандини является понимание, что *τοὺς συνειδότας* есть подлежащее (*qui sibi consciⁱ essent*), а *παρεγγυήσαι* — сказуемое (*indicavisse*). Неудачно, напротив, что при *παρεγγυήσαι* в качестве дополнения подразумевается *πράγματα* (*eas*) вместо единственно возможного *φθόγγους* (соответственно и *ἀναφωνήσαι* осталось без дополнения — *vocem edere coactos*). Во второй части *τοὺς*, как и у Траверсари, отнесено к *έλομένοις* и подразумевает другую категорию людей, воспринимавших новое (*qui audiebant*). Однако неверное понимание объекта при *παρεγγυήσαι* привело к тому, что в качестве прямого дополнения при *έλομένοις* Альдобрандини также подразумевает *πράγμαта* (*quas*), вместо более естественного *φθόγγους* (сходного толкования впоследствии будет придерживаться Узенер).

Странным образом, это в основном правильное толкование было не воспринято в последующей эдиционной и экзегетической традиции, несмотря на то, что текст (но не перевод!) Альдобрандини лег в основу популярного в 17-18 вв. издания Мейбома. Одной из причин было, возможно то, что *τοὺς* после *φθόγγους* при

¹⁸ Замечательное по своим достоинствам издание Т.Альдобрандини, ученого юриста, секретаря папы Павла VI, происходившего из семьи видных деятелей церкви и правоведов, было издано посмертно в незавершенном виде: *Laertii Diogenis de vitis libri X*, T. Aldobrandino interprete cum annotationibus. Romae 1594. Исправления текста *editio princeps*, отражавшего вульгату, основанные на В или сделанные *ex conjectura*, часто содержатся не в тексте, а в переводе Альдобрандини (см. *Usener. Epicurea XVI*). Поскольку римское издание было нам недоступно, мы цитируем перевод Альдобрандини по изданию Пирсона, которое воспроизвело Альдобрандиниану: *Laertii Diogenis de vitis, dogmatis et apophthegmatis eorum, qui in philosophia claruerunt libri X*, Thoma Aldobrandino interprete, Londini, impensis Octaviano Pulleyn, 1664, 284. Здесь, помимо перепечатки примечаний А.Этьена, И.Казобона и Альдобрандини, были изданы “Notae” Мерика Казобона и ценный комментарий Эgidия Менагия (Gilles Ménage), привлекшего впервые два остальных, кроме В, основных *antiquiores* F (Laur. 69-13) и P (Paris. gr. 1759), а также Q (Paris. gr. 1758) и H (см. *Usener. Epicurea XVI*). Недостатком этого, в целом превосходного, издания оказалась редакторская небрежность самого Пирсона.

первом впечатлении воспринимается как относящееся к этому слову, и хотя при обдумывании это оказывается невозможным, экзегеза невольно стремится сохранить эту связь, пусть даже ценою конъектуры. С другой стороны, верно и то, что грамматически единственно возможное, как мы покажем дальше, соглашение τοὺς ἀναγκασθέντας ἀναφωνήσαι с τοὺς συνειδότας предполагает весьма необычный порядок слов — трудность, которую Альдобрандини либо не заметил, либо не счел непреодолимой.

Так или иначе, но последующие объяснения (в сущности — изменения) рукописного текста отталкивались от перевода Траверсари, а не Альдобрандини. Первый шаг к поправке Мейбома, завоевавшей впоследствии широкое признание, был сделан Пьером Гассенди в его комментированном издании X книги Диогена Лаертия. Приведем его греческий текст предложения, служащий любопытным примером (пять поправок!) методов работы этого знатока и энтузиаста эпикурейской философии:¹⁹

τινὰς δὲ καὶ οὐ συνοράμενα πράγματα εἰσφέροντας <πρὸς> τοὺς <μή> συνειδότας παρεγγυήσαι τινὰς φθόγγους, <καὶ> τοὺς <μὲν> ἀναγκασθέντας ἀναφωνήσαι· τοὺς δὲ τῷ λογισμῷ ἐλομένους κατὰ τὴν πλείστην συνήθειαν (pro αἰτίᾳ) οὕτως ἐρμηνεῦσαι.

Cum aliqui autem vellent apud alios inconspectas ipsis res proponere, sonos aliquos ore edidisse; et tum ipsos fuisse coactos voces identidem edere; tum illos raticinio quodam, conjecturaque rem assequentes, ex multa denique assuetudine ipsorum mentem intellexisse.

Гассенди, таким образом, вслед за Траверсари, игнорируя правильное толкование Альдобрандини, не видит в первой части предложения определенно названного субъекта. Однако, в отличие от Траверсари он верно воспринял παρεγγυήσαι как сказуемое с τινὰς φθόγγους (не πράγματα, как Альдобрандини) при нем как прямым дополнением. Поскольку Гассенди под влиянием того же Траверсари продолжал считать συνειδότας дополнением при παρεγγυήσαι, то, руководствуясь правильными грамматическими соображениями, он добавил πρὸς, а ради лучшего смысла μή (получающей стороной, в самом деле, должны быть скорее μή συνειδότες). Для истории понимания текста более важ-

¹⁹ Petri Gassendii Animadversiones in decimum librum Diogenis Laertii I-III, Lugduni 1649, 55 (то же в изд. 1675 г., с. 30). Другое издание Гассенди — *Diogenis Laertii liber X cum nova interpretatione et notis / P.Gassendius. Opera omnia V*, Lugduni 1658 — было нам недоступно.

ным оказалось следующее исправление Гассенди. При новом (по сравнению с Траверсари) понимании παρεγγυήσαι как сказуемого инфинитив ἀναφονήσαι может зависеть лишь от ἀναγκασθέντας. Гассенди первым попытался разрешить трудность, связанную с наличием артикля при этом причастии: отношение τοὺς ἀναγκασθέντας к φθόγγους, напрашивающееся ввиду порядка слов (так понимал, видимо, Траверсари), оказывается невозможным, так как от причастия зависит *infinitivus activi* ἀναφονήσαι. Вызывает удивление, что Гассенди не решился трактовать τοὺς ἀναγκασθέντας ἀναφονήσαι как подлежащее всей фразы (такое решение, пожалуй, даже легче, чем отнесение τοὺς ἀναγκασθέντας к подлежащему τοὺς συνειδότας у Альдобрандини). Вместо этого Гассенди предпочел поправки, более отчетливо выраждающие дизъюнктивное строение предложения, — добавление καί, нужное лишь для того, чтобы развести φθόγγους и τοὺς ἀναγκασθέντας, и μέν — для более сильного противопоставления двух категорий людей τοὺς <μὲν> ἀναγκασθέντας — τοὺς δέ... ἐλομένους ἔρμηνεδσαι (подобное понимание возможно и без этих конъектур). Мы видим, что во второй части Гассенди продолжал понимать τοὺς δέ как относящиеся к людям. Подобно Альдобрандини, он считал объектом при ἐλομένους и ἔρμηνεδσαι — πράγμата.

Итак, несмотря на различия в точности передачи и правильности понимания рукописного текста, все три толкования Траверсари, Альдобрандини и Гассенди предлагали сходную интерпретацию трудного места. Речь идет о введении в обиход ранее не понятных вещей теми, кто их понимает (субъект ясно выражен только у Альдобрандини), причем эти люди произносят под воздействием необходимости определенные звуки. Другие же (те, кого первые наставляют), воспринимая разумом эти нововведения, уясняют смысл произнесенных звуков (либо самих вещей). Несмотря на отдельные неясности и затруднения — как справиться с τοὺς перед ἀναγκασθέντας, что является объектом при ἐλομένους, как толковать катά τὴν πλείστην αἰτίαν и др. — ранние толкования фразы по духу (а Альдобрандини и в частностях) представляются вполне правильными.

Напротив, отход от подобного понимания представляли эмендация и сопутствующее ей толкование, предложенные М.Мейбомом (Maybaum) в Амстердамском издании 1692 г., осу-

ществленном Г. Ветстением (так называемая Wetsteniana).²⁰ В трактовке нашего места Мейбом возвращается к переводу Траверсари, и связанным с ним неудачам — в первую очередь к пониманию συνειδότας как дополнения к παρεγγυήσαι, не заметив правильное положение τούς συνειδότας как подлежащего у Альдобрандини. Правда, вслед за последним и за Гассенди он, в отличие от Траверсари, верно воспринимает παρεγγυήσαι как сказуемое (не как инфинитив цели, зависящий от ἀναφωνῆσαι). Отказавшись от других исправлений Гассенди (чересчур смелых даже по меркам XVII века) Мейбом последовал ему, однако, в дополнении μέν перед ἀναγκασθέντας, предложив добавить еще ών перед τούς (также и у него эмендация диктовалась явным образом близостью τούς к φθόγγους, и невозможностью в то же время отнести к φθόγγους весь причастный оборот τούς ἀναγκασθέντας ἀναφωνῆσαι). В отличие от Гассенди, однако, Мейбом предпочел не отрывать τούς от φθόγγους, но отделить артикль от ἀναγκασθέντας.

Хотя эмендация Мейбома следовала по видимости предложению Гассенди, новой редакции текста сопутствовало совершенно иное толкование:

quasdam insuper res antea non conspectas inferendo, iis qui
conscii essent insinuasse quasdam voces: quarum alias pronunciasse
coactos, alias ratiocinatione acceptas plurima ex causa ita
interpretatos esse.

У Мейбома, таким образом, в отличие от его предшественников речь идет не о двух категориях людей — учащих и воспринимающих, но о двух способах образования слов людьми, вводившими прежде не замеченные вещи,²¹ — первом, инстинк-

²⁰ *Diogenis Laertii. De vitis... libri X... latinam Ambrosii versionem complevit et emendavit Marcus Meibomius, Amstelaedami apud Henricum Wetstenium I-II, 1692.* В конституировании текста издание представляло собой возвращение к вульгате, а в основу перевода Мейбом положил переработанного им Траверсари. Хотя Ветстениана представляла собой шаг назад как в текстологическом, так и экзегетическом плане, она получила впоследствии неограниченное влияние. Причина тому — удобное для пользования объединение всех прежних комментариев (помимо перепечатки содержавшихся уже в издании Пирсона, здесь добавлены комментарии И. Кюна и самого Мейбома), а также роскошное оформление (к этому изданию восходит и современное деление на главы).

²¹ Примечательно, что свою трактовку Мейбом обосновывает ссылкой на противопоставление τούς μέν — τούς δέ так, словно его наличие не является результатом эмендации Гассенди, чье понимание текста сам Мейбом от-

тивном, и втором, рациональном. Заметим, что конъектура Мейбома, делающая текст внешне гладким (это и обеспечило ее последующую популярность) с палеографической точки зрения совершенно не убедительна. Не делает она вполне ясным и смысл пассажа, создавая, напротив, новые загадки. Что означает применительно к созданию слов *ratiocinatione accipere*? Что скрывается за фразой “образовать слова в силу наиболее частой причины” (так, видимо, нужно понимать *plurima ex causa interpretari*)?

Несмотря на повторение очевидной ошибки Траверсари и неотчетливое по смыслу толкование самого Мейбома, в 18- первых десятилетиях 19 вв., когда безраздельно господствовала его *Wetsteniana*,²² предложенные Мейбомом текст и перевод места получили всеобщее признание.²³ Их принял и осторожный в плане текстологии, но сам не обращавшийся к рукописям И.Г.Шнайдер, издавший “Письмо к Геродоту” и “Письмо к Пифоклу”.²⁴

вергает. См. adnot. ad. loc. “Parspicua ex hac distinctione (sc. τοὺς μέν, ἀναγκ. τοὺς δὲ, ἐλομ.) sententia est. Graviter hic rursus impingit Gassendus, ex verbi παρεύη. ‘insinuare’ ignorata significazione”.

²² См. о забвении, постигшем издание Альдобрандини в 18 — начале 19 вв. *Usener. Epicurea*, XVI.

²³ Конъектуре Мейбома следуют просмотренные нами издания и переводы 18 в.: 1) *Diogenis Laertii De Vitis... libri X* a Paullo Danielle Longolio, Curiae Regnitianae 1739, p. 1118 (текст и перевод Мейбома без изменений); 2) *Les Vies des plus illustres philosophes de l'Antiquite...* trad. du grec de Diogène Laerce II, Amsterdam, J.H.Schneider, 1758, 393 (перевод И.Шнайдера); 3) *Diogenis Laertii De vitis... Liber decimus graece et latine separatim editus* a Carolo Nurnbergero. Norimbergae 1791, 141sq. Текст места следует Мейбому, однако в переводе Нюренбергер правильно понимает τοὺς συνειδότας как подлежащее, причем παρεγγυήσαι оказывается зависящим от συνειδότας, сказуемым же всего предложения является ἀναφορήσαι. Любопытно, что следуя тексту Мейбома (<ῶν> τοὺς <μέν> ... τοὺς <δέ>...) Нюренбергер, в отличие от последнего, рассматривает это противопоставление как подразумевающее две категории людей: одни произносят слова принудительно, другие же выражают свою мысль, выбрав новое слово путем рассуждения (*harmū vocum pronuntiavere alii coacti, alii autem ratiocinatione electam plurima ex causa, ita interpretati sunt*). Возвращаясь отчасти к пониманию синтаксиса существовавшему до Мейбома, Нюренбергер сохраняет, однако, его толкование общего смысла фразы.

²⁴ *Epicuri Physica et Meteorologica duabus epistulis ejusdem comprehensa, graece emendavit atque interpretatus J.G.Schneiderus. Lipsiae 1813.* Шнайдер следует в греческом тексте эмендации Мейбома (р. 22), и цитирует (р. 92) его же перевод, видимо соглашаясь с толкованием места. Здесь же (р. 92) Шнайдер сопоставляет этот перевод со старой версией Траверсари и на этом основании делает вывод, что ὥν τοὺς μέν представляет собой добавление Мейбома

Сам Шнайдер, опираясь на перевод Траверсари, предложил читать ἐπομένους вместо ἐλομένους,²⁵ тем самым, в развитие трактовки Мейбома, устранивая мешающее ей указание на наличие двух сторон, передающей (*παρεγγυῆσαι*) и принимающей (*ἐλομένους*).

Эмендация Мейбома и его толкование были закреплены и в издании Хюбнера,²⁶ вновь вернувшегося к изучению рукописной традиции, а затем и в авторитетном издании Кобета,²⁷ в текстологии опиравшегося на Хюбнера, однако привлекавшего итальянские рукописи, из которых наиболее важна F (Laur. 69-13).²⁸ В трактовке Хюбнера и Кобета конъектура Мейбома получила тем большее признание, что Хюбнер (до него уже Нюрнбергер) исправил, наконец, старинную ошибку Траверсари и сделал τοὺς συνειδότας подлежащим инфинитивного оборота (Хюбнер приводит здесь же правильный в этом отношении перевод Альдобрандини). Переводу Хюбнера следовал и Кобет, с тем лишь отличием, что οἱ συνειδότες он понимает не абсолютно (qui sibi consciī essent), как Хюбнер вслед за Альдобрандини, но с дополнением *πράγματα* (явно более правильно):

Eos qui eorum rerum, quae non conspiciantur, consciī essent, commendasse quosdam sonos, eorumque alios edidisse coactos, alios vero ratione duce plurima ex causa ita interpretatos esse.

В подобной трактовке поправка Мейбома выглядит более привлекательно. Инфинитивный оборот получает, наконец, единственно возможное подлежащее, τοὺς <μέν> связывается со стоящим рядом φθόγγους, и добавление ών позволяет создать параллелизм в конструкции — два инфинитива с предикативно

(на самом деле только ών...μέν), не обратившись, вероятно, к *editio princeps* или изданию Этьена: Шнайдер, очевидно, полагал, как Гассенди и Мейбом, что наличие τούς несовместимо с трактовкой Траверсари ἀναγκασθέντας как подразумевающего людей (Траверсари, как мы говорили, возможно, связывал ἀναγκασθέντας с φθόγγους).

²⁵ Ibidem, 92 “non vidit (sc. Meibomius) verbum mutandum esse in ἐπομένους praeente Ambrosio”.

²⁶ *Diogenis Laertii de vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum Libri X...* instruxit H.G.Huebnerus II. Lipsiae 1831, 520sq.

²⁷ *Diogenis Laertii De clarorum philosophorum vitis... Libri decem ex italicis codicibus nunc primum excussis recensuit C.Gabr. Cobet. Paris. Firmin Didot, 1850, 271.*

²⁸ См. Usener. *Epicurea XIIIsq.*

употребленными причастиями ἀναγκασθέντας ἀναφονήσαι — ἐλομένους ἐρμηνεύσαι.

В то же время не следует забывать, что создающийся таким образом параллелизм, и по сей день влияющий на интерпретации пассажа, основан на двух, палеографически не убедительных поправках текста. Далее, повинуясь созданному *ex conjectura* параллелизму, исследователи мысли Эпикура уходят от несомненно наличествующего в тексте противопоставления — людей, передающих другим звуки (*παρεγγυήσαι*), которые они произнесли под внешним (природным) принуждением (*ἀναγκασθέντας ἀναφονήσαι*), и других людей, разумно эти звуки воспринявших (*τῷ λογισμῷ ἐλομένους*). С возвращением к изучению рукописной традиции Диогена Лаэртия исследование пассажа шло с одной стороны в русле возвращения к рукописному преданию и освобождению от влияния Мейбома, с другой — наблюдалась попытки сохранить дух, если не букву его толкования, причем с обеих сторон теперь происходило полезное уточнение значений отдельных слов и связи места с другими теоретическими положениями Эпикура.

К правильному пониманию синтаксиса всей фразы пришел в *Epicurea* Герман Узенер (до него — только Т.Альдобрандини). Узенер отказался от конъектуры Мейбома, а синтаксическую трудность, смущавшую прежних издателей, устранил, предложив атетезу τούς после φθόγγους;²⁹ τούς можно рассматривать либо как результат диграфии ΦΘΟΓΓΟΥΣΤΟΥΣ, либо как чью-то неудачную попытку прояснить синтаксис запутанной фразы. Как видно из пояснений Узенера в посмертно изданном *Glossarium Epicureum*, он рассматривал τούς δέ во второй части предложения как согласованное с ἐλομένους и подразумевающее другую категорию людей (*reliquos*), противостоящих συνειδότας,³⁰ то есть так, как Альдобрандини. Далее Узенер (*Glossarium*, s.v. αἴρεω) осторожно (знак вопроса) предлагал для ἐλομένους значение *сареге, персиреге* и считал, что в качестве объекта при этом причастии мыслится πράγμата (так же Альдобрандини). Узенер сомневался в правильности чтения αἰτίαν и в качестве возможной

²⁹ *Usener. Epicurea, ad. loc.*

³⁰ *H. Usener. Glossarium Epicureum edendum curaverunt M.Gigante et W.Schmid. Roma 1977, 22.*

эмендации предлагал в аппарате φαντασίαν.³¹ Смысл фразы Узенер воспринимал, видимо, следующим образом: вводя некие неизвестные вещи, люди, их осознавшие, под воздействием необходимости рекомендовали некоторые звуки, прочие же люди, постигнув эти вещи разумом в соответствии с наиболее частым их восприятием, таким образом³² их (вещи) выразили в словах (либо разъяснили). Итак, Узенер в отличии от Мейбома и тех, кто следовал Мейбому, полагал, что речь идет о двух категориях людей. Остается только не совсем ясным, считал ли Узенер, что Эпикур говорит о двух способах введения в обиход неизвестных вещей (познанных под действием необходимости и посредством разума) и двух соответственно типах образования слов (тогда ἐρμηνεύσαι — в значении “выражать словесно”) или же о передающей стороне, вводящей нечто новое и с ним его словесные обозначения, и воспринимающей стороне, осознающей эти вещи и раскрывающей их смысл (ἐρμηνεύσαι в значении “разъяснить”, “интерпретировать”).

Петер фон дер Мюль в своем критическом издании писем и изречений Эпикура не только отказался, как и Узенер, от концептуры Мейбома, но не счел нужной и атетезу τούς перед ἀναγκασθέντας.³³ Фон дер Мюль, таким образом, считал возможным понимать τούς ἀναγκασθέντας ἀναφωνήσαι как атрибутивный оборот, относящийся к τούς συνειδότας, несмотря на трудность, связанную с порядком слов.³⁴ В этом случае

³¹ Epicurea, ad loc.; то же — Glossarium 26, s.v. αἴτια; ср., однако, Glossarium 27, где издатели указывают, что Узенер, вероятно, придавал в этом случае αἴτια значение vis effectrix, т.е. понимал место приблизительно так: “те, кто воспринял (эти вещи) разумом в соответствии с наиболее важной производящей причиной (этих вещей)”.

³² Согласно Узенеру, обτος указывает на τῷ λογισμῷ ἐλομένους (Glossarium, s.v. οὖτος) — “восприняв вещи разумом, их, таким образом, разъяснили”.

³³ Epicuri epistulae... ed. P. von der Mühl, ad loc.: “nihil mutandum”. Рукописный текст сохраняет в своем издании Дногена Лазертия Х.Лонг.

³⁴ Мы взвешивали возможность того, что τούς ἀναγκασθέντας ἀναφωνήσαι стоит в атрибутивном положении по отношению к φθόγγους в значении “звуки, произнесенные под действием необходимости”, по аналогии со спорадическим употреблением активного инфинитива вместо требуемого по смыслу пассивного в качестве дополнения при прилагательных и, реже, существительных, e.g. Eurip. Med. 316: λέγεις ἀκούσαι μαλακά и Thuc. I, 138 δξιος θαυμάσαι (см. R.Kühner — B.Gerth. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Satzlehre II, Hannover und Leipzig, 1904, 15 Anm. 13), см. также Philod. Rhet. I, р. 214, 2 Sudhaus: καν πρᾶγμα δύναμιν ἔχει ἐκαίνειν καὶ ψέγειν. Подобное понимание, прежде ни разу, насколько можно судить,

причастный оборот получает характер выразительно подчеркнутого уточнения³⁵ “[я имею в виду тех], кто под действием необходимости произнес эти звуки”.³⁶ Нам, вслед за фон дер Мюлем, представляется, что рукописное чтение можно защищать. Примеры сходного по характеру гипербата встречаются у Эпикура:

Ep. Pyth. 97, p. 42, 14-15 Us.: καθάπερ τιστὸν ἥδη ἐγένετο οὐ δυνατοῦ τρόπου ἐφαψαμένοις, εἰς δὲ τὸ μάταιον ἐκπεσούσι.

Ibid. 88, p. 37, 11-12 Us.: τῶν γὰρ φαινομένων οὐδὲν ἀντιμαρτυρεῖ <ἐν> τῷδε τῷ κόσμῳ (вместо τῶν <ἐν> τῷδε τῷ κόσμῳ φαινομένων οὐδέν).

В обоих случаях определение отделено от определяемого слова сказуемым и еще несколькими словами, относящимися к сказуемому. Наш случай однако связан еще с дополнительной трудностью в силу того, что сказуемое (*παρεγγυῆσαι*) имеет при себе дополнение φθόγγονς,³⁷ стоящее в том же падеже, что и определяемое логическое подлежащее συνειδότας. Однако пример сходного гипербата в аттической прозе, также имеющего эмфатический характер, приводит Денистон:³⁸

не обсуждавшееся, казалось тем более возможным, что в начале гл. 75 пас-сив ἀναγκασθῆναι употреблен с двумя аккузативами: acc. логического подлежащего (φύσιν) и acc. гei (πολλά). В активе ἀναγκάζω нередко имеет два дополнения в acc. — acc. personaе и acc. гei. Однако проверка употребления причастия ἀναγκασθείς по *TLG* показала, что оно применяется всегда к людям, подвергшимся принуждению (иногда метафорически к предметам, см. пример из *LSJ* s.v. ἀναγκάζω — *Philostr. VII. Apoll.* I, 21 ἡναγκασμένα λάχανα, то есть культивируемые овоци), и никогда не относится к действиям, являющимся результатом принуждения. Это положение дел доказывает, что acc. гei при ἀναγκάζω воспринимался, видимо, как респективный. Не заметили мы и каких-либо аномалий в залоговой характеристистике инфинитива при ἀναγκασθείς. Традиционный отказ от отнесения ἀναγκασθέντας к φθόγγονς является, таким образом, оправданным.

³⁵ *Kühner-Gerth*, op. cit. II, 623.

³⁶ Подобную возможность взвешивал, видимо, и Узнер, судя по тому, что он предлагал эту эмденацию, ссылаясь не на порядок слов, а на то, что “participium ἀναγκασθέντας ἀναφ. caussam superioribus addit” (*Epicurea, ad loc.*), то есть относится предикативно к *παρεγγυῆσαι* (со ссылкой на *Lucr.* V, 1028sq.). Это соображение не может, конечно, иметь решающего характера.

³⁷ Другие примеры гипербата у Эпикура, см. *Usener, Glossarium* 748; *H. Widmann. Beiträge zur Syntax Epikurs // Tübing. Beitr. z. Altertum* 24, Stuttgart 1935, 117.

³⁸ *J. Denniston. Greek Prose Style*. Oxford 1952, 51.

Demosth. III, 5: δέκα ναῦς ἀπεστείλατ' (sc. ὑμεῖς, 'Αθηναῖοι) ἔχοντα κενάς Χαρίδημον.

Здесь определяемое слово *ναῦς*, зависящее от *ἔχοντα*, отделено от определения *κενάς* не только управляющим словом *ἔχοντα* (также *accusativus!*), но и сказуемым *ἀπεστείλατε*, от которого зависит *Χαρίδημον* *ἔχοντα* *κτλ.*

Эпикур прибег к столь неуклюжей конструкции, по всей видимости, из-за невозможности поставить *τοὺς ἀναγκασθέντας ἀναφωνεῖν* сразу после *συνειδότας* (либо после *παρεγγυῆσαι*): *ἀναφωνῆσαι* бессмысленно до того, как упомянуты звуки, с другой же стороны — отнесение в конец придает определению особую выразительность.³⁹

С отказом Узенера от конъектуры Мейбома и от искусственно созданного ею параллелизма двух категорий слов (*τοὺς μὲν...τοὺς δέ*, являющиеся объектом соответственно для *ἀναφωνῆσαι* и *ἐρμηνεῦσαι*) вновь стало возможным понимать *τοὺς δέ* как обозначение другой категории людей. Сохранение же фон дер Милем артиклия *τοὺς* перед *ἀναγκασθέντας* почти принудительно требует понимания *τοὺς δέ* как относящегося также к людям.⁴⁰ Однако в переводах и толкованиях места после Узенера и фон дер Миля определенно преобладает трактовка, основанная либо на принятии в текст конъектуры Мейбома, либо извлекающая тот же смысл из текста Узенера и фон дер Миля. Expressis verbis поправку Узенера отверг в своем комментарии к Лукрецию Карло Джуссани,⁴¹ предложив читать, вслед за Мейбомом, *τοὺς μὲν ἀναγκασθέντας*, не приняв, однако, *ὅν* перед *φθέγγους*.⁴² Джуссани, таким образом, возвращается к старому

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Именно так, несмотря на отличия в толковании, понят наш пассаж в переводах О.Апельта (*Diogenes Laertius. Leben und Meinungen berühmter Philosophen*, von O.Apelt. Berlin 1955, 258, перепечатка изд. 1921 г.) и А.Эрну (*Lucrece: De rerum natura, Commentaire exégétique et critique I*, Paris 1925, LXXXII).

⁴¹ C.Giussani. Studi Lucreziani. Torino 1896 (T.Lucreti Cari De rerum natura libri sex. Rev. del testo, comm. introduttivi di C.Giussani I) 273 (греческий текст), 276 (перевод и пояснения).

⁴² Джуссани (op.cit., 276) ошибочно указывает, что он следует поправке Шнайдера. На самом деле Шнайдер принимал исправление Мейбома <ὅν> *τοὺς <μέν>*. Та же неточность повторена в аппарате изданий Аригетти и Х.Лонга (op. cit., ad loc.), где *τοὺς <μέν>* приписывается Шнайдеру. Этот вариант эмендации следует считать конъектурой Джуссани (так, правильно,

пониманию, будто речь идет о двух способах образования слов, инстинктивном и рациональном.⁴³ За Джуссани последовали С.Бейли и другие ученые.⁴⁴ Между тем, независимо от правильности понимания Джуссани общего смысла пассажа, его синтаксическое строение в трактовке Джуссани (в отличие от трактовки Мейбома) явно неудовлетворительно. В самом деле, при поправке Джуссани, стремившегося, очевидно, свести к минимуму вмешательство в рукописный текст, становится уже невозможным понимать *τοὺς <μὲν>...τοὺς δέ* как прямые дополнения, зависящие соответственно от *ἀναφωνῆσαι* и *έλομένους* (вместе с *έρμηνεύσαι*), как это было у Мейбома и его последователей. Оба причастных оборота, *ἀναγκασθέντας* и *έλομένους* оказываются предикативными к паре *εγγυήσαι*, *ἀναφωνῆσαι* приходится рассматривать как дополняющее *ἀναγκασθέντας*, а инфинитив *έρμηνεύσαι* повисает в воздухе.⁴⁵ Неудачны и попытки следовать Мейбому, т.е.

в аппарате фон дер Миля и у *D.Sedley. Epicurus, On Nature Book XXVIII...17*).

⁴³ Свою трактовку текста Джуссани подкрепляет лишь ссылкой на все тот же параллелизм *τοὺς <μέν> ἀναγκασθ. ἀναφων. — τοὺς δέ τῷ λογ. ἔλομ.* (*τοὺς μὲν — τοὺς δέ* зависят соответственно от *ἀναφωνῆσαι* и *έλομένους*), скорее объясняющийся влиянием издательской традиции, чем реально присутствующий в тексте. Неубедительна и ссылка Джуссани на то, что следуя эмендации Узенера и понимая *τοὺς δέ* как подразумевающее *φέγγους*, неизбежно будто бы приходится принимать конъектуру Шнайдера.

⁴⁴ См. *C.Bailey* 1) *Greek Atomists and Epicurus*. Oxford 1928, 268; 2) *T.Lucretius Cari De rerum natura libri sex*, ed. with Prolegomena, Crit. App., Transl. and Comm. by *C.Bailey III*, Oxford 1947, 1487f. (издание фрагментов — *C.Bailey* (ed.) *Epicurus. The extant remains*. Oxford 1926 — было нам недоступно); *K.Westphalen. Die Kulturentstehungslehre des Lukrez*. Diss. Munchen 1957, 54; *G.Arrighetti* (ed.) *Epicuro. Opere*, Torino 1960, 65sg; *Griechische Atomisten. Texte und Kommentare zum materialistischen Denken der Antike*, Leipzig 1973, 247 (перевод Ф.Юрса); *R.Müller. Die epikureische Gesellschaftstheorie*. Berlin 1974, 95. Anm; *F.Jürss. Die epikureische Erkenntnistheorie*. Berlin 1991, 110f. См. также в отечественных переводах и исследованиях: *Лукреций. О природе вещей II*, М.-Л., 1947, 557-559, 657, прим. 67 (перевод и комментарий С.И.Соболевского); *Диоген Лазартий. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М., 1979, 418 (перевод М.Л.Гаспарова), также *Ю.В.Откупщиков*. К вопросу о переводе и толковании отдельных мест из философских писем Эпикура // *Вестник ЛГУ* 1958 N8, сер.ист., яз. и лит. вып. 2, 126. Ср., напротив, перевод И.М.Тронского, следующий тексту Узенера (*Античные теории языка и стиля*, под ред. О.М.Фрейденберг. М.-Л., 1936, 65).

⁴⁵ Сам Джуссани переводит: “*e così riuscivano a farli (scil. suoni) capire*”, однако в тексте отсутствует необходимое для этого *καί*. Так же *C.Bailey* 1) *Greek Atomists...* 381; 2) *Lucretius...* 1487. Отсюда попытки сделать *έρμηνεύσαι* за-

понимать τοὺς δέ как подразумевающее φθόγγος, у тех ученых, которые вслед за Узенером убирают τοὺς после φθόγγος (Р.Хикс) или даже сохраняют в неприкосновенности рукописный текст (М.Конш)⁴⁶. Помимо той же синтаксической трудности, связанной с невозможностью отнести куда-либо ἐρμηνεύσαι, порядок слов без μέν Мейбома говорит за то, что τοὺς δέ подразумевает людей, а не звуки (это правильно констатировал в своем возражении Узенеру Джуссани).⁴⁷ Но, как уже не раз отмечалось выше, помимо этих, связанных с синтаксисом фразы, возражений, наличие в тексте явного указания на действия передающей стороны (παρεγγυήσαι) и принимающей (ἐλομένους) побуждает понимать его скорее как рассказ о создании слов людьми и их принятии — другими, т.е. в духе трактовки Узенера или фон дер Мюля, а не двух способах образования слов, как у Мейбома и Джуссани.

Между тем еще в 1928 г. Хельфрид Дальман привел решающий, как нам представляется, довод в пользу того, что τοὺς δέ должно подразумевать людей.⁴⁸ Поскольку соображения Дальмана игнорируют даже те, кто цитирует его работу,⁴⁹ повторим

внсящим от αἰτίαν. Так поступают Р.Хикс (*Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers*, ed. and transl. R.D.Hicks, London-Cambridge, Mass. 1958 / репринт изд. 1925 г. / II, 604-606), который печатает текст в редакции Узенера; Г.Аригетти (*Epicuro*, 475sg), принимающий эмendацию Джуссани, и М.Конш (*Epicure, Lettres et Maximes*, texte établi et trad. avec une introd. et des notes par M.Conche, nouv. ed. augm. Paris 1987, 120 suiv.), который сохраняет рукописный текст. Однако подобная конструкция с grammaticalической точки зрения едва ли возможна: αἰτία, тем более в аккузативе, не принадлежит к числу существительных (по большей части, употребляющихся в адвербальном значении, подобно ἀνάγκῃ и т.п., см. *Kühner-Gerth* II 13f.), от которых может непосредственно зависеть целевой инфинитив. Эпикур в подобных случаях употребляет субстантивированный инфинитив с артиклем в генетиве, примеры см. *H.Widmann*.Beiträge zur Syntax Epikurs 167f.

⁴⁶ См. предыдущее примечание.

⁴⁷ Конш, сохраняя τοὺς перед ἀναγκασθέντας, понимает артикль как параллельный τοὺς δέ и подразумевающий звуки. Однако, хотя τοὺς δέ в местоименном значении может употребляться и без предшествующего τοὺς μέν (см. *Kühner-Gerth* II 265, Anm. 4, ср. у Эпикура — *Usener. Glossarium*, 745), противопоставление τοὺς — τοὺς δέ является невозможным.

⁴⁸ *J.H.Dahlmann*. De philosophorum graecorum sententiis... 10-14. Дальман придерживался поправки Узенера, считая, что сохранение рукописного текста фон дер Мюлем, grammatically возможное, “concinnitatem totius loci... turbat” (12), имея в виду необычный гипербат.

⁴⁹ Исключение составляет Т.Коул, принимающий интерпретацию Дальмана (*T.Cole, Democritus...* 62).

Таким образом, Эпикур имеет в виду, говоря об о^бснорф^ече^ва пр^агу^ата, отнюдь не одну лишь вторую стадию рационального развития языка, как нередко утверждали, и тем более не какую-то третью стадию его дальнейшего усложнения, но обе фазы, как инстинктивного произнесения звуков, так и их последующего рационального совершенствования, которые он постулирует и для слов, обозначающих обычные вещи.⁵⁰

Однако в последнее время Дэвид Седли, возражая против возможности подобного понимания, предложил новую эменда-

⁵⁸ Об этом принципе культурно-исторической теории Эпикура см. вслед за указаниями Дальмана (оп. cit., 7sqq.- применительно к языку и развитию права): *T.Cole. Democritus...* 70-79 (о "генеалогии морали" эпикурейца Гермарха) и *B.Mauwald. Der Aufbau der lukrezischen Kulturentstehungslehre //* *Abh. Akad. Mainz* 1980, №3, bes. 18-30 (также периодизация развития цивилизации в основе изложения Лукреция).

цию рукописного текста.⁵¹ По мнению Седли, “the συνειδότες cannot be described as ἀναγκασθέντες ἀναφονήσαι since it is made quite clear in the opening sentence of Ep. Hdt. 75 that ἀνάγκη belong to the early natural stage, by contrast with λογισμός which in the latter stage led men to improve upon the work of nature”. Поэтому Седли, стремясь отделить ἀναγκασθέντες от τοὺς συνειδότας, ставит колон после φθόγγους и добавляет μὲν οὖν перед ἀναγκασθέντας (при этом τοὺς μὲν...τοὺς δέ у Седли относится к людям). Таким образом, последняя часть предложения оказывается уже связанный не с οὐ συνοράμενα πράγματα, но представляет рекапитуляцию всего содержания гл. 75-76: “hence some men gave utterance under compulsion, and other chose words rationally, and it is thus, as far as the principal cause is concerned, that they came to use language”.⁵²

Хотя этот новый вариант эмендации свободен от трудностей, сопутствующих тому, что был предложен Джуссани, соображения Д.Седли не убеждают нас в необходимости исправления текста. Нет никаких оснований вкладывать в οἱ συνειδότες теоретическое содержание и, в силу этого, пытаться оторвать их от инстинктивной фазы в развитии языка. Заметим, во-первых, что причастие συνειδόως, насколько мы могли выяснить,⁵³ употребляется для обозначения определенной категории людей, субстантивированно и иногда без объекта, только в юридической или моральной сфере — как “свидетель”, либо (реже) — как “соучастник” преступления. Мы не должны, таким образом, видеть в συνειδότες нашего пассажа характеристику какого-то постоянно го свойства или указание на определенную группу — “the men who shared⁵⁴ knowledge” у Седли, даже “мудрецы”, как предлагал

⁵¹ D.Sedley. Epicurus. On Nature... 17-19; см. также A.A.Long, D.N.Sedley. The Hellenistic Philosophers (далее — LS) Cambridge 1986-1987 I, 97 (перевод); II, 98 (греческий текст).

⁵² D.Sedley. Epicurus. On Nature... 19.

⁵³ Мы опираемся на просмотр всех мест, где согласно TLG употребляется συνειδότες (все формы множественного числа).

⁵⁴ Заметим попутно, что συνειδένται хотя и может иногда обозначать совместную причастность к какому-либо знанию (см. LSJ s.v. σύνοίδα II, где, однако, Plat. Phaedr. 275b и Symp. 193d ошибочно отнесены к подобному значению), в нашем случае речь идет скорее о более обычном — “сознавать”, “понимать” (за это говорит стоящее рядом συνοράμενα, ибо συνοράω нормально не подразумевает совместный характер действия).

В.Гольдшмидт).⁵⁵ Отсюда следует и то, что оύ συνορέμενα πράγματα нужно прочно связать с τούς συνειδότας — речь идет о людях, знавших некие предметы.

При этом знание, о котором идет речь, отнюдь не обязательно теоретического свойства, как предполагает Д.Седли. Седли считает, что речь идет о создании имен для абстрактных понятий, в первую очередь философской терминологии (не обязательно путем изобретения, скорее путем метафорического переноса слов с конкретным значением в абстрактную сферу). Однако, независимо от правильности толкования оύ συνορέμενα, ясно, что συνειδέναι само по себе отнюдь не указывает на область теоретического знания. Вне обычной сферы знания чужих и своих провинностей и пороков (реже заслуг и добродетелей)⁵⁶ глагол этот обычно применяется к сфере жизненной (даже житейской) и подразумевает знание, основанное на собственном опыте⁵⁷ (русское “сознавать”, по-видимому близко к συνειδέναι, калькой которого является, также и по сфере употребления — обычно не теоретической).

Лишено какого-либо теоретического значения συνειδέναι и в эпикурейских текстах.⁵⁸ Э.Лонг и Д.Седли в подтверждение того, что оί συνειδότες должны относиться к более высокой стадии цивилизации, ссылаются на пассаж из “генеалогии морали” эпикурейца Гермарха (*Porph. De abstin I, 9, 4=22M LS*): οὐ μόνον ζημίας ἔταξαν οἱ πρῶτοι τοῦτο συνειδότες (συνειδόντες Hercher;

⁵⁵ V.Goldschmidt. La théorie épicurienne du droit // Science and Speculation. Studies in Hellenistic theory and practice, ed. J.Barnes et al. Cambridge 1982, 313.

⁵⁶ См. *LSJ* s.v. σύνοιδα I, 1, отсюда и συνείδησις в значении “сознание за собой дурных поступков” — впервые у Демокрита, fr. 297DK=fr. 583 Luria.

⁵⁷ См. e.g. *Thuc.* I, 73, 2; *Arsph. Eq.* 595; *Isocr.* VI, 83; VIII, 4; *Demosth. Exord.* V, 3 (о непосредственно виденном); *Plat. Theaet.* 206а (внутренний опыт тривиального характера) — обычно с acc. rei. Несколько иначе *Plat. Phaedo* 92, где ξύνοιδοι сказано о понимании опасности аргументации κατ' ἀναλογίαν в математике и философии (конструкция с причастным оборотом в dat.) — и, здесь, видимо, подразумевается собственный опыт.

⁵⁸ У Эпикура συνειδέναι больше не встречается; см. в значении “созиавать за собой что-то” у эпикурейских авторов: *Polystr. De contempt.* VIII ab, p. 15 Wilke (без acc. rei?); *Philod. De piet.* p. 27, 13 Gomperz; *Philod. Rhet.* I, p. 141, 15 Sudhaus (συνοίδαισιν ἔαντοις μεθόδους); как “свидетели” — *Philod. Rhet.* I, p. 260, 6 Sudhaus (примеры, по необходимости, выборочны: *Lexicon Philodemum*, ed. C.J.Vooijs I-II, Purmerend-Amsterdam, 1934-1941 был нам недоступен).

Nauck). Под то́бы здесь подразумевается полезность различных средств, в том числе внушения страха перед осквернением, для того, чтобы удержать людей от преступлений. Хотя выражение в самом деле появляется у Гермарха в связи с более высокой “рациональной” стадией развития общества, на которой создаются законы (см. *Porph. De abstin.* I, 10, 4-11, 1=22N 3-4 LS), не видно, чтобы оно обозначало ту специфическую рациональную способность, которая возникает лишь на этой стадии: понимание неочевидного возможно и на “естественной” стадии развития (см. у Гермарха о роли χαρέστατοι *Porph. De abstin.* 10=22N LS). С другой стороны, для обозначения специфически рационального Гермарх применяет более точное выражение: ἐπιλογίσμὸν ἔλαφον τοῦ σύμφεροντος (*ibid.* 10, 4=22N3 LS, ср. 8, 2=22M3 LS). Мы не видим, таким образом, в употреблении Эпикуром συνειδέναι в *Ep. Hdt.* 76 специального указания на теоретическую сферу познания.

Ничего теоретического не содержит, на наш взгляд, вопреки мнению Д.Седли, и выражение об συνορόμενα πράγμαта. В основном правильным было понимание его уже у Джуссани — “вещи неизвестные, по крайней мере в начале, для основной массы, говорящей на языке”. Напротив, его дальнейшие уточнения (либо чужеземные вещи, либо недоступные для всех понятия) связаны лишь со стремлением объяснить два способа образования слов, инстинктивный и рациональный, следующие из конъектуры τοῦς <μὲν> ἀναγκασθέντας⁵⁹. Напротив, преобладающее ныне толкование об συνορόμεна как абстрактных понятий, не противоречит Джуссани по существу, ведет, однако, в неверном направлении, если исходит, как это обычно бывает, из понимания об συνορόμεна как того, что нельзя воспринять глазами, невидимого.⁶⁰ На деле συνοράω — отнюдь не обозначает зрение как та-

⁵⁹ C. Giussani. Studi Lucretiani... 273. См. также C. Bailey: 1) Greek Atomists... 268 и 381 (чужеземные вещи); 2) Lucretius... 1487f.: изобретение, либо привоз нового из чужих стран и соответственно два способа образования слов — “естественный”, то есть имитация чужого языка, и “рациональный” выбор слов “in accordance with general analogy”. Сходно с Джуссани и Бэйли также Соболевский (Лукреций II 559 и 657). Против гипотезы, что речь идет о заимствовании вещей и слов из чужих стран см. справедливое возражение Ю.В.Откупщикова (К вопросу о переводе... 126).

⁶⁰ Так впервые в переводе О.Алельта (*nicht durch das Auge wahrgenommen Dinge*), затем у Дальмана (оп. cit., 11: “res quae non videntur, ... abstracta”), здесь же он отличает их от “res... quae videntur, quarum causae solae sensibus non percipiuntur”) и у Филиппзона в рецензии на диссертацию Дальмана

ковое; глагол этот употребляется в значении “замечать”, а также применительно к интеллектуальной активности — “обдумывать”, “рассматривать” (*Plat. Phaedr.* 265d; *Leg.* 965b и т.д.)⁶¹. В этом последнем значении слово нередко встречается у Эпикура (*Ep. Hdt.* 38 р. 5, 12 Us.; 63 р. 19, 15; аорист в значении “понять”: *Ep. Pyrh.* 99 р. 44, 2 Us.; *Nat.* XXVIII fr. 8 col. V Sedley) иногда также в значении “понимать” в презенсе (*Ep. Pyrh.* 116 р. 55, 7 Us.; *Nat.* XXVIII fr. 13 col. III inf.; XI sup. Sedley). Соответственно и оύ συνορέμενος в применении к людям и предметам, как показывает TLG, встречается лишь в значении “(в данный момент) не замечаемый” (*Plut. Pyrrh.* 28, 4), но отнюдь не “(вовсе) невидимый”. Сам Эпикур предметы, недоступные чувствам, именует обычно ἄβρατα (*Ep. Hdt.* 59, р. 17, 20 Us. et al.). В пользу того, что речь идет здесь о чем-то лишь временно незаметном или непонятном, говорит и то обстоятельство, что отрицание оύ, в отличии от μή, подразумевает обычно эвентуальную, а не устойчивую характеристику.⁶² Вполне возможно, что εἰσφέρειν здесь означает, как часто бывает в культурно-историческом контексте, введение не только конкретных изобретений, но также

(Ph W 49, 1929, 666f.): *abstracta* (как “добродетель”), но, главным образом, существенно не воспринимаемые *concreta*, как атомы и пустота (ссылка в подтверждение “конкретности” вещей на *κράυτα* неубедительна: см. в сходном контексте употребление *κράυτα* безразлично для любых объектов, получающих название: *Plat. Crat.* 436b6; 439f6-7et al.). Близко к Филиппзону: *K. Westphalen. Die Kulturentstehungslehre des Lukrez...* 54 Anm. 1; *D. Sedley*, op. cit., 19 (обозначения абстрактных понятий и особенно философские термины — “пустота” и т.п.); *R. Müller Die epikureische Gesellschaftstheorie...* 95 Anm. 218.

⁶¹ На преимущественно интеллектуальный характер συνοράω указал уже Филиппзон (op. cit., 667). Возражая поэтому Дальману, считавшему, что это *Dinge, die nicht gesehen wurden* (а не ἄβρα), Филиппзон, напротив, характеризует их как *Begriffe... welche (von der Menge) nicht erkannt werden*, а именно ἄβρα, толкуемые им, однако, как то, что не может быть воспринято чувствами, но постигается лишь разумом (см. предыдущее примечание). Спор Филиппзона с Дальманом о толковании ἄβρα, только запутавший дело, иррелевантен для понимания нашего пассажа. Он лишь помешал осознать, что речь идет не о характеристике вещей как таковых, но о трудности их постижения.

⁶² См. *Kähner-Gerth II*, 20, Anm 4. Неубедителен поэтому довод Ф.Юрса, защищающего толкование этих вещей как абстрактных понятий, что если бы Эпикур имел в виду “*Erfindungen und Apparate des technischen Fortschritts*”, он должен был бы непременно сказать “*Dinge..., die bislang nicht zu beobachten waren*” (*F.Jürss. Die epikureische Erkenntnistheorie*, 111f.).

институтов и понятий (например, справедливости),⁶³ которые мы бы отнесли к числу абстракций. Однако вводимые новшества объединяются здесь самим же Эпикуром по признаку их непонятности / незаметности,⁶⁴ но отнюдь не по признаку недоступности для зрения. Учитывая далее, что характеристика нововведения как того, что прежде было неизвестным, кажется тавтологией, мы предложили бы видеть в причастии оў συνορόμενα указание на трудность постижения этих вещей — в первую очередь в те далекие времена, но и вообще: то есть вещи, которые с трудом и не сразу поддаются постижению. Синтезирующий оттенок, часто присутствующий, благодаря приставке συν-, в глаголе συνοράω, который может означать “рассматривать в совокупности” (см. e.g. *Plat. Phaedr.* 256d, *Arist. Rhet.* 1357a 4-5), возможно, следует предполагать и здесь: речь идет о понятиях, которые трудно охватить целиком. Презенский характер причастия позволяет считать, что и люди, их познавшие и введенные в оборот, еще и сами не вполне их понимали. Не видя, таким образом, достаточных оснований для того, чтобы отрывать путем конъектуры, как это делает Д.Седли, оў συнорόмечнѣ праѹшата и ої συνειδότες от примитивной стадии развития цивилизации, мы сохраняем, напротив, опираясь на рукописный текст, существенную характеристику этих понятий. Поскольку люди, впервые постигшие эти вещи, произнесли под их “принуждающим” воздействием (*ἀναγκασθέντες*) определенные звуки, познание их, следовательно, затрагивает чувства, как и при образовании слов для обычных вещей, и не является, значит, чисто рациональным.

Итак, рукописное предание дает для первой части последнего предложения разбираемого отрывка вполне приемлемый смысл: вводя некоторые с трудом постигаемые вещи, те, кто их

⁶³ Предположение, что Эпикур имеет в виду (по крайней мере, отчасти) зарождение моральных представлений, в частности чувства солидарности с соплеменниками и соответствующих словесных выражений, было высказано Т.Коулом (*T. Cole. Democritus...* 72-73). Мы не согласны, однако, с ним в трактовке оў συнорόмечнѣ как non sensible entities like abstractions or relationships (*Ibid.* 62).

⁶⁴ Такого понимания, обычного у старых переводчиков места (также у Джуссани и Бэйли), продолжают придерживаться А.Эриу (*Lucrèce...* LXXXII: choses inconnues), Г.Аригетти (*Epicuro...* 66: cose non note) и М.Конш (*Epicure...* 121: choses qui n'étaient pas visibles en même temps <que les autres>; см. также комментарий 180: choses... qu'elles soient introduites du dehors ou qu'elles résultent de l'activité de recherche, d'invention ou d'innovation en tous domaines).

поняли, передали⁶⁵ соответствующие сочетания звуков, инстинктивно произнеся их под воздействием самих вещей. Обратимся теперь ко второй части того же предложения. Как мы уже видели, сопоставление с гл. 75 init. и порядок слов (особенно при сохранении, хотя и рискованном, артикля *τούς* перед *ἀναγκασθέντας*, относящегося к *συνειδότες*), говорит за то, что *τούς δὲ* (*τῷ λογισμῷ ἐλομένους*) подразумевает другую категорию людей, действующих уже на рациональной ступени.

Уточнение значения отдельных выражений позволяет получить и в этой части предложения вполне приемлемый смысл. За причастием *ἐλομένους* следует сохранить его обычное, в том числе и для Эпикура, значение “выбравшие”, а не просто “принявшее”, как иногда полагалось. Объектом при *ἐλομένους*, учитывая стоящее рядом *παρεγγυῆσαι*, должно быть, очевидно, *φθόγγους*, а не *πράγματα*. Выражение *κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν* следует понимать “в соответствии с наиболее важной причиной”, а не “в соответствии с многими причинами”, или “в соответствии с наиболее частой причиной”, как иногда его интерпретировали (см. ή *πλείστη αἰτία* в значении “главная причина”, *Ep. Hdt.* 63, р. 20, 7sq. Us.). Не убеждает нас не подкрепленное соответствующими примерами предложение Д. Седли понимать это выражение в ослабленном значении, как уточнение к *οὕτως* (*thus, as far as the main cause is concerned*), то есть преимущественно так, инстинктивным и рациональным способом, люди образовали слова⁶⁶ (Седли, в соответствии со своей эмендацией, понимает *ἐρμηνεῦσαι* как обобщение всего процесса образования слов). Наконец, из двух возможных значений *ἐρμηνεῦσαι* (sc. *φθόγγους*) — “интерпретировать звуки” или же “выразить нечто посредством звуков”, предпочтительным нам кажется последнее значение.⁶⁷ Во-первых, в пассаже речь идет об образовании слов,

⁶⁵ *Παρεγγύω*, употребляемое часто в военном контексте, может означать “отдавать приказ”, см. у Эпикура *Ep. Hdt.* 37 — о настоятельном предписании ученику (ср. *Menandr.* fr. 421 Körte). Однако, учитывая 75 init., где человеческая природа оказывается в роли простой посредницы между веществами и разумом (разум развивает *ὑπὸ ταύτης παρεγγυηθέντα*), мы склонны и в нашем месте придавать глаголу *παρεγγυάω* значение “передавать” (с подразумеваемым, как бывает у *παραδίδω*, сохранением полученного по следующими поколениями, ср. *Antiphon* 87 B 50DK.).

⁶⁶ *Sedley*, op. cit., 19 not. 96.

⁶⁷ Ср. 19A5 *LS* (перевод), где *ἐρμηνεῦσαι* передано как “they achieved self-expression” и пояснение в *LS II*, 99. У Эпикура дважды встречается *ἐρμηνεία*

а не об их толковании, во-вторых,⁶⁸ Эпикур считал, что слова, даже обозначающие сложные понятия, должны быть понятны сами по себе и не нуждаются в экспликации.

В итоге мы предлагаем следующее понимание заключительной части предложения: другие люди, избравшие посредством рассуждения звуки в соответствии с наиболее важной причиной, придали таким образом [понятиям] отчетливое выражение. Речь идет о выборе из нескольких вариантов звукосочетаний, инстинктивно произнесенных людьми, впервые

в значении “манера выражения” (*Nat.* XXVIII, fr. 12 III 4-5; fr. 13 VII 10 sup. Sedley). При ἐρμηνεύσαι едва ли следует предполагать в качестве внутреннего объекта φθόγγους, скорее глагол употреблен абсолютно (ср. *LSJ* s.v., III). В любом случае ἐρμηνέω подразумевает осмысливание и отчетливость выражения, что может служить дополнительным доводом против предложения Седли отнести эту часть фразы ко всему процессу возникновения языка (см. выше с. 67).

⁶⁸ См. *Diog. Laert.* X, 31 (доксография): τὴν διαλεκτικὴν ὡς παρέλκουσαν διποδοκιμάζουσιν [sc. Ἐπικούρειοι] ἀρκεῖν γὰρ τὸν φυσικὸν χωρεῖν κατὰ τὸν τῶν πραγμάτων φθόγγους (то есть слова, относящиеся к “вещам”, в противоположность “пустым”, ср. *Ep. Hdt.* X, 38). Отрицательное отношение Эпикура к диалектической технике учеников Сократа, стремившихся к формально правильным определениям понятий в качестве исходного пункта последующей дискуссии, восходит к демокритовским принципам (ср. его определение “человек это то, что мы все знаем”, *Sext. Adv. math.* VII, 265=fr. 65 Luria и эпикурейское δινθράκον εἶναι τὸ τοιουτὸν μόρφωμα μετὰ ἐμψυχίας, *Sext.*, ibid., 267=fr. 310 Us., см. далее *E. Aistis. Epicurus' Scientific Method. Ithaca 1984, 46f* и *LS* I, 101). С отрицанием формально точных дефиниций в обоих случаях связана уверенность в непосредственной очевидности употребляемых в философской дискуссии слов: для Эпикура см. *Diog. Laert.* X, 33 (очевидность “первого значения”, лежащего в основе каждого слова) и *Ep. Hdt.* 37-38 (“первое значение” должно усматриваться без доказательств), см. далее fr. 258 Us.=19G *LS*; 19F *LS*. Как обосновывал эту очевидность Демокронт, мы не знаем; он, видимо, опирался лишь на одинаковость элементарных представлений, которую предполагает само функционирование языка. Эпикур идет дальше и настаивает на идентичности для всех носителей языка эмпирически возникших (*Diog. Laert.* X, 33) концептов (κρολήψεις), носителями которых являются слова (см. *A.A. Long. Aisthesis...* 121), причем эти понятия уже являются критериями правильности дальнейших суждений (X, 31, см. *Long*, op. cit., 120); ср. *Ep. Men.* 123 и *Ep. Hdt.* 76sq., где из общего для всех людей представления о бессмертии и блаженстве богов, являющегося также πρόληψις (*Cic. De nat. deor.* I, 43-49=23E, esp. E 3 *LS*), затем с математической необходимостью следует опровержение обычного мнения о них как подателей добра и зла. По всей видимости, именно стремление найти в самом языке основания для суждений, не нуждающиеся в доказательстве, стимулировало выдвижение Эпикуром тезиса о естественном возникновении слов.

познавшими оύ συνορόμενα πράγματα, той комбинацией звуков, которая соответствовала главной причине их произнесения.

Следует ответить на два вопроса: 1) какие предметы или явления имеет в виду Эпикур, говоря об оύ συνορόμενа πράγμαта, и 2) что означает выбор в качестве обозначения для них на второй стадии сочетания звуков κατὰ τὴν πλειστην αἰτίαν? Для ответа на первый вопрос мы располагаем самой характеристикой этих вещей как оύ συνορόμεна πράγμата, подразумевающей, как мы видели, что это нечто, вначале не замечавшееся, либо не бывшее понятным, однако не то, что не может вовсе восприниматься глазами, но одним лишь разумом. Заметим далее, что Эпикур говорит о тех, кто впервые ввел в оборот эти вещи — они, следовательно, отличаются от тех, которые легко воспринимаются всеми людьми. В то же время, следуя рукописному тексту, мы должны считать, что эти вещи как-то воздействовали на чувства людей, ибо вызвали у первооткрывателей спонтанные сочетания звуков, как и другие, обычные предметы. Судя по этому инстинктивному происхождению слов, обозначающих оύ συνορόμενа πράγμата, первоначальное постижение этих последних относится к "естественной" фазе развития цивилизации, — первой из двух, о которых говорит Эпикур в *Ep. Hdt. 75*.

Опираясь на понимание оύ συνορόμενον как того, что прежде не замечалось, либо не было понятным, мы можем принять любой из следующих трех, отчасти уже предлагавшихся прежде, вариантов их интерпретации:

1. важные для развития цивилизации природные явления, подобно огню;
2. технические артефакты, изобретенные самим человеком⁶⁹;
3. неведомые вначале понятия, подобно справедливости⁷⁰.

В качестве малоправдоподобного можно отвергнуть предположение Бейли, что это предметы, привезенные из чужих земель (Бейли, принимая конъектуру Джуссани, считал, что обозначения их возникают обоими способами, инстинктивным и рациональ-

⁶⁹ Это предложение рассматривал и без достаточных оснований (см. выше, прим. 62) отверг Ф.Юрс (*F.Jurss. Die epikureische Erkenntnistheorie...* 111).

⁷⁰ См. *T.Cole. Democritus...* 72f (выше, прим. 63).

ным)⁷¹. Трудно представить, что в столь кратком и весьма насыщенным изложении своей системы Эпикур стал бы останавливаться на подобной разновидности слов. Иноzemные вещи и, особенно, иноzemные слова интересны для теории, в которой необходимую связь предмета и его обозначения доказывают путем этимологизации⁷². Три остальных, перечисленных выше варианта интерпретации правдоподобны по существу и заслуживают более пристального внимания.

Лукреций называет следующие достижения цивилизации, которые либо отнесены к первой фазе ее развития, соответствующей природной стадии *Ep. Hdt.* 75-76, либо прямо связываются с ролью “естественного” фактора — с принудительным воздействием природы или с элементарным подражанием природным явлениям⁷³: начало использования огня (V, 1011, 1091-1104), шкур зверей в качестве одежды (*Ibid.*, 1011), устройство примитивных жилищ (*Ibid.*), заключение первых дружеских союзов и начало справедливости (1019-1023, ср. *Hermarch. ap. Porphyrius. De abstin.* 10=22 N1 LS), восприятие “образов” богов (1161-1174), примитивные представления о времени (977-981 — еще на первобытной стадии, до начала развития цивилизации; к первой фазе ее развития относится, возможно, 1183-1184,⁷⁴ ср. 1436-1439), первые посевы (1361-1364), начало пения и музыки (1379-1383). Из числа этих достижений первой фазы развития культуры в качестве возможных кандидатов на роль о ѿ сунорфнеча праумата следует безусловно отвергнуть те, в которых просто

⁷¹ См. C. Bailey. Greek Atomists... 268. Бэйли развивал предложение Джуссани, считавшего, что речь идет сразу о нескольких категориях вещей — иностранные предметы, понятия, не являющиеся общим достоянием и, очевидно, изобретенные артефакты (C. Guissani. Studi lucreziani, 276). Плюрализм Джуссани в объяснении связан с тем, что он видел в пассаже указание на два способа образования слов (см. выше прим. 43).

⁷² Ср. объяснение, приведенное Платоном в качестве обычного *ultimum refugium* теорий подобного типа (*Crat.* 409c-410a; 421c): не этимологизируемые слова заимствованы у варваров.

⁷³ О роли *Ep. Hdt.* 75-76 в композиционном членении культурно-исторического материала в V кн. Лукреция, см. B. Manuwald. Der Aufbau der lukrezischen Kulturentstehungslehre, bes. 23-30 (совпадение *Lucr.* V, 1011-1104 с естественной фазой развития цивилизации, *Ep. Hdt.* 75-76); 30-34 (перечень и разбор пассажей, в которых Лукреций, говоря уже о второй, рациональной стадии, V, 1105sqq., делает отступления, относящиеся явно к предшествующему периоду).

⁷⁴ Ср. B. Manuwald, op. cit., 31 Anm. 124.

использовалось нечто уже имевшееся в природе, так как названия этих предметов должны были возникать подобно всем остальным вещам (огонь, шкуры, зерна): эти вещи, будучи кем-то замеченными, должны были, попав в человеческий обиход, вызвать у других людей те же самые звуки. Ясно также, что для названия подобных вещей не следует предполагать особый, отличный от обычных слов, способ их последующего рационального совершенствования, как это делает Эпикур, говоря об о́в συνορόμενα πράγματα. Также “образы” богов, хотя и действуют непосредственно на атомы “разумной” части души, без посредства тела, воспринимаются непосредственно, как и обычные предметы.⁷⁵

Иное дело понятия, в обычном понимании считающиеся абстрактными, которые в отличие от конкретных предметов, могут быть сообщены людям только при помощи языка. Инстинктивное происхождение слов, обозначающих о́в συν. πρ., предполагающее первую стадию цивилизации, говорит, как уже отмечалось выше, против того, что речь идет о специфически философских понятиях.⁷⁶ Напротив, понятия, органически связанные со становлением человеческой цивилизации, например, справедливость, возникают, как видно из рассуждений Гермарха и Лукреция, еще на первой, нерациональной стадии. Сами эти понятия, а также обозначающие их слова, должны были представлять несравненно больший интерес для дискуссии о роли спонтанного и рационального в развитии цивилизации, чем названные выше предметы. Если Эпикур, называя подобные понятия о́в συνορόμενα, имел в виду, как мы предполагали, не только сам факт их позднего открытия, но и трудности постижения, то “справедливость” оказывается особенно вероятной, ибо только для нее, за исключением самого языка, две стадии постижения

⁷⁵ См. Cic. *De nat. deor.* 1, 19, 50=23E7 LS (с комм.): *non sensu, sed mente cernatur*.

⁷⁶ Напомним, что так, вслед за Филппзоном (PhW 49, 1929, 666f.) интерпретировали о́в συνορόμενα πράγματα К. Вестфalen, Д. Седли и Ф. Юре (см. выше прим. 60). Мы не согласны с ними в том, что выражение подразумевает невидимость этих вещей и их доступность только для разума, а также в том, что речь идет специально о философских понятиях, однако готовы согласиться с тем, что о́в συνορόμενον указывает здесь на реальность, не сводящуюся к ограниченным и конкретным предметам обыденного опыта.

отчетливо выделены в эпикурейской традиции, а именно у Гермарха и Лукреция.⁷⁷

Вопрос заключается в том, мог ли Эпикур утверждать, что понятия, подобные справедливости, первоначально постигаются непосредственно чувствами и что их обозначения имеют в силу этого инстинктивное происхождение. На этот вопрос можно ответить утвердительно. Энтони Лонг, опираясь на то, что Эпикур признает существование πρόβληψις справедливости (*Sent.* 38), то есть понятия, имеющего чувственное происхождение (см. *Diog. Laert.* X, 33), предполагает для этого понятия возникновение “by repeated sense-experience of certain kinds of acts” и изложение Гермарха вполне соответствует подобному пониманию.⁷⁸ При этом, однако, очевидно, что возникновение обобщенного понятия справедливости не может означать простого запоминания отдельных ее проявлений, относящихся к этому понятию. Не мог ли Эпикур, в таком случае, утверждать, что представления, связанные со “справедливым”, действуют на людей в данной местности с известной однородностью, подобно конкретным предметам, и вызывают у них примерно одинаковые сочетания звуков? Мы знаем, что Эпикур постулировал существование единого общего принципа справедливости для всех людей, одновременно с существованием объективного критерия справедливости для каждой местности и каждой эпохи. Эти местные проявления общего принципа, отличаясь друг от друга в зависимости от местных по-

⁷⁷ Вторая стадия связана с рациональным постижением выдающимися людьми общего принципа справедливости в противоположность простой памяти о ее частных проявлениях, и выражается во введении законов, представляющих собой также обобщение, пусть более конкретного свойства, возникших прежде запретов и предписаний, см. *Hermarch.* ap. *Porph. De abstin.* I, 10, 4=22N3 LS (ἐπιλογισμὸν ἔλαβόν τινες τοῦ συμφέροντος ἐν τοῖς πρὸς ἀλλήλων τροφαῖς, οὐ μόνον ἔλογον μνήμην), ср. определение общего принципа справедливости как συμφέρον ἐν τῇ πρὸς ἀλλήλους κοινωνίᾳ у Эпикура, *Sent.* 36 (для роли выдающихся людей см. также *Lucr.* V, 1105-1107).

⁷⁸ A.A.Long. *Aisthesis...* 120. Из продолжения процитированного выше (прим. 77) фрагмента Гермарха (22 N4) видно, что понимание основ социальной жизни у других, обычных людей, возрастало только благодаря длительному опыту (μᾶλλον ἦδη τοῦ συμφέροντος ἐν τῇ μετ' ἀλλήλων διθροίσει λαμβάνειν αἰσθῆσιν, ср. также *Porph. De abstin.* I, 8, 2). Словоупотребление Гермарха (αἰσθῆσις) показывает, с одной стороны, возможность постичь справедливость непосредственно, на основе чувственных проявлений, а с другой — отличие рационального познания справедливости “немногими” от остальных людей (ср. E.Asmis. *Epicurus' Scientific Method*, 60).

требностей, сохраняют свою объективную значимость (*Sent.* 37-38). Учитывая давно замеченный параллелизм в понимании языка и права у Эпикура можно было бы предполагать, что местные особенности, обусловившие различные нормы морали, спонтанно вызывали у первых людей, инстинктивно постигавших понятие справедливости, различные варианты одного и того же слова, впоследствии ставшего обозначением этого понятия в данном языке. Это остается только гипотезой.⁷⁹ Однако мы располагаем косвенным свидетельством того, что Эпикур мог признавать за местными проявлениями подобного понятия реальность физического свойства, вызывающую у соплеменников всегда примерно одно и то же сочетание звуков.

Нам неизвестно в точности, какой онтологический статус признавал Эпикур за реальностью, соответствующей слову “справедливое”. Однако едва ли можно сомневаться в том, что Эпикур относил справедливость к числу *συμπτώματα*, непостоянных качеств физических тел.⁸⁰ К этим привходящим качествам Лукреций причисляет такие явления, как “*libertas, bellum, concordia*” (1, 456, см. 458: *eventa* = *συμπτώματα*). Подобные по-

⁷⁹ Т.Коул (*Democritus...* 73, note 7), очевидно, прав, полагая, что *σύμβολον* в *Sent.* 31 нужно понимать, как обозначение, а не как договор, как принято в большинстве интерпретаций (включая теперь и *LS* 22 A1): τὸ τῆς φύσεως δίκαιον ἔστι σύμβολον τοῦ συμφέροντος εἰς μὴ βλάπτειν ἀλλήλους μηδὲ βλάπτεσθαι. Однако обозначение, о котором здесь идет речь, — не τὸ δίκαιον, но τὸ τῆς φύσεως δίκαιον, природная справедливость. Последнее выражение Эпикур, очевидно, считает условным (*σύμβολον* обычно подразумевает конвенциональное обозначение), хотя готов его применять как эквивалент простого τὸ δίκαιον (*Sent.* 37). Естественное происхождение самого слова δίκαιον, таким образом, не доказано, однако, кажется нам, как и Т.Коулу, вероятным.

⁸⁰ Эпикур различает качества, постоянно сопутствующие телу, составляющие его “постоянную природу” (величина, вес, форма и цвет) — он именует их *δέλτα συμβεβηκότα* (см. *Ep. Hdt.* 68sq.), и, с другой стороны, непостоянные свойства (*συμπτώματα*, см. *Ep. Hdt.* 70sq.). Эпикур не приводит примера этих последних, за исключением времени (см. ниже), однако, эпикуреец Деметрий Лаконский, разъясняя учение Эпикура, называет в качестве примера “движение”, “покой”, “день”, “ночь”, “час”, “чувство”, “отсутствие чувства” (*Sexti. Adv. math* X, 219-224, *imprim.* 222 и 224). Систематическое разделение свойств, возможно, принадлежит только последователям Эпикура (см. также *Lucr.* I, 449-482); однако, в общих чертах градация их разновидностей проводится отчетливо уже в *Ep. Hdt.* 68-73. К разъяснению терминологических трудностей и самого учения по существу, см. *D.Sedley. Epicurean Anti-reductionism // Matter and Metaphysics*, ed. by J.Barnes and M.Mignucci. Napoli 1988, 297-327.

нятия более, чем другие, соответствуют тем характеристикам, которые мы предполагали для оù συνορόμενа πράγματα. Они постигаются, по крайней мере отчасти, непосредственно при помощи чувств⁸¹ и, следовательно, могут вызывать инстинктивные звуки. В то же время их можно называть не сразу, с трудом постигающимися, ибо отдельные проявления еще не исчерпывают содержания этих понятий.⁸²

В гл. 72-73 “Письма к Геродоту” Эпикур объясняет ученикам, как им следует уяснить характер времени, реальности, близкой по своему онтологическому свойству к συμπτώματа.⁸³ Представляется, что мы можем извлечь из этого рассуждения некоторые указания, позволяющие понять, что имел в виду Эпикур, говоря в *Ep. Hdt.* 76 о познании оù συνορόμενа πράγμαта и возникновении их обозначений. Явление, именуемое временем, определенно создает особые трудности в эпикурейской теории. Сущность времени нельзя уяснить, подобно другим συμπτώμαта, обратившись к очевидному понятию о нем, уже имеющемуся в сознании благодаря предшествующему опыту (*Ep. Hdt.* 72, р. 25,

⁸¹ Эпикур решительно отрицает, что непостоянные качества являются невидимыми и бесцелесовыми (οὐτ' ἐν τοῖς ἀφράτοις ἔσται οὗτε ἀσθέματα, *Ep. Hdt.* 70) — бесцелесной он считает только пустоту (*Ibid.*, 67), невидимыми в принципе, вероятно, лишь атомы. Эпикур поясняет, что эти качества идентифицируются благодаря чувственному восприятию (ἢ αἴσθηται ἰδίᾳ τρεπετοῖς, *ibid.* 72). Можно было бы сомневаться в том, имел ли в виду Эпикур, что таким же образом постигаются свойства, подобные “свободе” и “согласию”. См., однако, приведенное выше (прим. 78) рассуждение Гермарха о возникновении понятия справедливости.

⁸² С синтезирующим оттенком, который мы предполагаем в συνορά, полезно сопоставить употребление σύλλαβόνω в пассаже, где непостоянные свойства (*implicite* также и постоянные) противопоставляются реальности, постигаемой целостно и именуемой телом (В σύλλαβόντες κατὰ τὸ ἄφρον σῶμα προσαγορεύομεν *Ep. Hdt.* 70). Как видно из продолжения, Эпикур имеет в виду одновременно и познание того, что такое тело вообще и что — его συμπτώμαта, и одновременно — постижение конкретных тел и их конкретных свойств.

⁸³ Позднейшая эпикурейская теория относит время не прямо к свойствам тела, но считает его привходящим качеством принадлежащих телу привходящих качеств, таких, как приведенные выше в прим. 80: ночь и день, к примеру, есть συμπτώμата воздуха, а время — συμπτώμата ночи и дня (см. *Dem. Lac. ap. Sext. Adv. Math.* 224-226; согласно гл. 219, δὲ χρόνος... εἰκότως δὲ λεχθεῖται σύμπτωμα συμπτώματων). Терминологическое различие принадлежит, видимо, Деметрию Лаконскому, однако уже Эпикур, называя время τὸ σύμπτωμα (*Ep. Hdt.* 73), отличает его от таких συμπτώμαта, как день, ночь и т.п.

13-15 Us. τὸν γὰρ δὴ χρόνον οὐ ζητητέον ὕσπερ καὶ τὰ λοιπά, ὅσα ἐν ὑποκειμένῳ ζητούμεν ἀνάγοντες ἐπὶ τὰς βλεπομένας παρ' ἡμῖν αὐτοῖς προλήψεις).⁸⁴

Эпикур имеет в виду известное методическое правило, сформулированное им в начале письма (гл. 37-38): исследование спорного понятия должно исходить из “первого значения”, лежащего в основе каждого слова, которое не нуждается в доказательстве и позволяет, таким образом, избежать регрессии в бесконечность (πρῶτον μὲν οὖν τὰ ὑποτεταγμένα τοῖς φθόγγοις... δεῖ εἰληφέναι, ὅπως ἀν τὰ δοξαζόμενα ή ζητούμενα ή ἀπορούμενα ἔχωμεν εἰς ταῦτα ἀναγαγόντες ἐπικρίνειν καὶ μὴ ἀκριτα πάντα ἡμῖν <ἢ> εἰς ἀπειρον ἀποδεικνύοντιν ή κενοὺς φθόγγους ἔχωμεν). Непосредственная очевидность “первого значения” каждого слова постулируется здесь же Эпикуром в качестве условия универсальности и обязательности этого значения для всех носителей языка (ἀνάγκη γὰρ τὸ πρῶτον ἐννόημα καθ' ἕκαστον φθόγγον βλέπεσθαι καὶ μηθὲν ἀποδείξεως προσδεῖσθαι).⁸⁵

⁸⁴ Следуем обычному пониманию *καὶ* в этом предложении как плеонастического: не должно исследовать время, как другие свойства, усматриваемые в самих телах, которые мы исследуем, возводя к очевидным понятиям. Из *Ep. Hdt.* 69 и 70 видно, что как постоянные, так и непостоянныи свойства тел постигаются посредством “бросков” (*ἐπιβολαῖ*), то есть сосредоточения чувства на объекте (см. *D. Sedley. Epicurus. On Nature...* 23), см. также *αἴσθητις* в *Ep. Hdt.* 71 (выше прим. 81). Отсюда, однако, не обязательно следует, что время вообще не имеет соответствующего *πρόληψις*. Справедливо, что *πρόληψις* обычно считается очевидным, см. *Diog. Laert.* X, 33. Но в этом же доксографическом свидетельстве говорится, что невозможно даже назвать объект, являющийся предметом исследования, если его свойства предварительно не познаны “в соответствии с его понятием” (κατὰ τὴν πρόληψιν). Не исключено поэтому, что время есть понятие *sui generis*, не очевидное непосредственно, но обладающее устойчивым содержанием, благодаря чему соответствующее слово может осмысленно употребляться в языке.

⁸⁵ Сопоставление *Ep. Hdt.* 37sq. и 72 говорит в пользу того, что термины *τὸ πρῶτον ἐννόημα* и *πρόληψις* представляют собой синонимы, по крайней мере в данном контексте. Вслед за рядом исследователей (см. в частности, *LS I*, 101), мы считаем, что *πρῶτον* указывает на исторически первое значение слова, а именно саму ту чувственную реальность, которая вызвала у людей спонтанные звуки. Трудно представить, к какой иной реальности, имеющей одинаковый смысл для всех носителей языка, мог аппелировать Эпикур, кроме самого явления, с необходимостью вызвавшего появление слова. Обзор мнений о значении *τὸ πρῶτον ἐννόημα* см. у *E. A. Smith. Epicurus' Scientific Method*, 31 и пот. 31.

Из сопоставления этого методологического пассажа с приведенным выше замечанием о времени (гл. 72) следует, что мы не обладаем непосредственно очевидным для всех понятием времени, которое уясняется прямо при звуке соответствующего слова.⁸⁶ Из последующего описания интеллектуальной процедуры, которую Эпикур рекомендует ученикам для постижения трудного понятия, выясняется, однако, что и в этом случае мы приходим, пусть не сразу, к его пониманию, не нуждающемуся в доказательстве. Таким образом, методическое правило, сформулированное в гл. 37-38, действует, пусть и не *stricto sensu*, также для исследования времени.

Рассмотрим теперь ту интеллектуальную процедуру, при помощи которой Эпикур надеется достичь ясного и общего для всех понимания времени. Она сводится к наблюдению за употреблением слова “время”, причем, как и в связи с другими, обычными понятиями, Эпикур говорит об “очевидной реальности”, стоящей, однако, в данном случае не за самим словом “время”, но за выражениями, в которых употребляется это слово, такими, как “длгое время”, “короткое время”⁸⁷ (*αὐτὸς τὸ ἐνάργυτα, καθ' ὃ τὸν πολὺν ἢ δλίγον χρόνον ἀναφενούμεν συγγενικῶς τοῦτο περιφέροντες ἀναλογιστέον*)⁸⁸. Эпикур предостерегает против за-

⁸⁶ См. доксографическое свидетельство (*Diog. Laer.*, X, 33): ὅμα γὰρ τῷ ρηθῆναι ἀνθρώπος εὖθὺς κατὰ πρόληψιν καὶ ὅ τύπος αὐτοῦ νοεῖται. παντὶ οὐν δινόματι τὸ πρώτως ὑποτεταγμένον ἐναργές ἔστι.

⁸⁷ Э.Эсмис правильно понимает ἐνάργυτα как конкретные явления, обозначаемые словами “короткое время” или “долгое время”, не как само время (так в большинстве других интерпретаций): Эпикур только что сказал, что мы не обладаем очевидным понятием времени (*E.Asmis*, op. cit., 33; иначе *D.Sedley*, op. cit., 30, где предполагается сознательный парадокс). Другое дело, что κατ' αὐτὸν чуть ниже бесспорно уже подразумевает χρόνος. Однако это либо возвращение к основной теме рассуждения, минуя стоящее рядом ἐνάργυτα, либо неточность выражения, связанная с тем, что Эпикур не пытается отчетливо различать само время и его частные отрезки (ср. “рабочее” эпикурейское определение времени как ἡμεροεἰδὲς καὶ νικτοεἰδὲς φάντασμα, *Sext. Adv. math.* X, 181).

⁸⁸ ἀναλογιστέον ἐνάργυτα создает некоторые трудности. У Эпикура ἀναλογίζομαι встречается в значении “умозаключать о чем-либо (с accus.) по аналогии” (*Nat. XIV* [27, 25] Арг!) и в значении “уяснять (путем сопоставления?)”, см. *Ep. Men.127*. Едва ли в нашем случае следует предполагать первое значение (так *D.Sedley*. *Epicurus. On Nature...30*), поскольку в эпикурейских текстах ἐνάργυτα обычно исходный пункт, а не результат рассуждения. С другой стороны, Седли прав, замечая в иной связи (op. cit., 31), что производные от λογίζομαι глаголы не могут в сочетании с accus. давать значение “делать вывод на основании чего-либо” (в таком духе понимает

мены этих выражений на иные, кажущиеся более правильными, настаивая на необходимости сохранения обычного словоупотребления (καὶ οὗτε διαλέκτους ὡς βελτίους μεταληπτέον, ἀλλ' αὐταῖς ταῖς ὑπαρχούσαις κατ' αὐτοῦ [sc. χρόνον] χρηστέον). Не следует также пытаться дать определение времени через какое-то иное явление (οὗτε ἄλλο τι κατ' αὐτοῦ κατηγορητέον, ὡς τὴν αὐτὴν οὐσίαν ἔχον τῷ ἴδιῳματι τούτῳ). Смысл этих предостережений сводится к тому, что время нельзя понять иначе, как припоминая те очевидные явления, с которыми наш язык связывает слово “время”.

Процесс уяснения понятия времени представляет собой своего рода индукцию.⁸⁹ Наблюдая, во-первых, за явлениями, которые вместе с тем служат единицами времени (дни, ночи, часы), а, во-вторых, за процессами, которые измеряются временем (ощущение, отсутствие ощущения, движение, покой), мы обнаруживаем присутствие, наряду с самими этими процессами, какого-то дополнительного, всегда неизменного свойства. С другой стороны, вследствие того, что все упомянутые явления связаны в языке с выражениями типа “долгое время” и “короткое время”, мы идентифицируем свойство, наблюдаемое во всех этих явлениях, со словом “время” (καὶ γάρ τούτο οὐκ ἀποδείξεως προσδεῖται, ἀλλ' ἐπιλογισμὸς, διὰ ταῖς ἡμέραις καὶ ταῖς νυχὶ συμπλέκομεν καὶ τοῖς τούτων μέρεσιν, ὡσαύτως δὲ καὶ τοῖς πάθεσι καὶ τοῖς ἀπαθείαις καὶ κινήσεσι καὶ στάσεσιν, ἵδιόν τι σύμπτωμα, περὶ ταῦτα πάλιν αὐτὸ τούτο ἐννοοῦντες καθ' ὃ χρόνον δνομάζομεν).⁹⁰

это место *G. Arrighetti*, Epicuro, 62). Э.Эсмис считает, что Эпикур говорит о сопоставлении данной реальности с другими, аналогичными явлениями (*E. Asmis. Epicurus' Scientific Method*, 33), однако, здесь отсутствует обычное уточнение (κρός с accus.). Осторожно предположим, что ἀναλογίσομαι употреблено здесь в более широком значении “обдумывать очевидную реальность”, причем ἀνα- указывает на многократность процесса (ср. *Thuc.* V, 7, 2). Чуть ниже ἐπιλογιστέον с подразумеваемым аккузативом также употреблено в значении “подвергать рассуждению” (ср. также *Sent.* 32).

⁸⁹ Д.Седли объясняет ἐπιλογισμός как интеллектуальную процедуру эмпирического характера, прежде всего сопоставление, путем которого мы отделяем постоянные свойства предмета от случайных (см. *D. Sedley*, op. cit., 27-34 с разбором эпикурейских текстов, в которых встречается этот термин).

⁹⁰ Вслед за Д.Седли (*D. Sedley*, op. cit., 30) понимаем ἵδιόν τι σύμπτωμα как прямое дополнение при συμπλέκομεν (см. также Ю.В.Откупщиков. К вопросу о переводе... 124), в отличие от большинства издателей, предлагающих в качестве дополнения подразумеваемое χρόνον, при этом трактующих ἵδιόν τι σύμπτωμα как предикатив, соотнесенный с αὐτὸ τούτο. Па-

Таким образом, за настоятельной рекомендацией придерживаться существующих в языке выражений, стоит убеждение, что от реальности, стоящей за отдельными высказываниями, мы с необходимостью приедем к реальности, стоящей за таким словом, как ‘время’. Это рассуждение Эпикура безусловно показывает, что и для этого слова, несмотря на его первоначальную неясность, он предлагает универсальное для всех носителей языка содержание.⁹¹ Нет поэтому оснований сомневаться в том, что для слова χρόνος Эпикур предполагал естественное происхождение.

Наше следующее предположение носит гипотетический характер. Мы предполагаем, что интеллектуальный процесс, посредством которого Эпикур надеется достичь понимания сути времени, близок к историческому процессу постижения о ѿснорфмева праумата и возникновения их обозначений. Так же как сегодня очевидными для нас являются представления, стоящие за словами “короткое время” и “долгое время”, так и в древности первое эмоциональное впечатление о временных процессах вызвало у наиболее наблюдательных людей целые фразы подобного типа.⁹² Лишь позднее, уже на рациональной стадии разви-

ралльный характер наблюдения за представлениями и обозначающими их словами ясно выражен наречием κάλιν, не всегда учитываемом в толкованиях (Узенер менял на κάντα). Иначе понимает этот параллелизм Седли, делая упор в переводе на словах περὶ τοῦτα (“and that the meaning of this attribute, which we express with the word ‘time’, is itself in turn, related to these phenomena”).

⁹¹ Д.Глиден считает, что время для Эпикура лишь созданный разумом концепт (*cognitive creation*) в противоположность другим непостоянным качествам (*συμπτώματα*), подобно движению и покоя, представляющих собой “неизменные характеристики, которые регулярно наблюдаются в природе” (D. Glidden. Epicurean Prolepsis / OSAPh 3 (1985) 210f). Однако весь текст пассажа (см. особенно αὗτὸ τοῦτο) показывает, что Эпикур не считает время менее реальным, чем те свойства, с которыми оно связано. Ясно, что время обладает иным статусом, чем конкретный, непосредственно воспринимаемый предмет. Однако даже реальность человека как носителя родовых черт едва ли существенно отличается от реальности времени как совокупности определенных специфических характеристик движения. Отличие же понятия времени от понятий других непостоянных качеств (движение и т.п.) скорее в трудности его уяснения, чем в принципиально ином онтологическом статусе.

⁹² Предположение о естественном происхождении выражений “короткое время” и “долгое время” гипотетично. Однако в *Ep. Hdt.* 72 Эпикур говорит о них: τὸ ἐνάργυτα, καθ' δ τὸν κολλὺν ή δλίγουν χρόνον ἀναφονοῦμεν συγγενικός τοῦτο περιφέροντες, ἀναλογούστεον. Странно, что ἀναφονέω, подразумевающее обычно эмоциональную речь или торжественное высказывание,

тия, из сопоставления сходных представлений могло возникнуть единое понятие. Параллельно, путем наблюдения за выражениями, связанными с временем, повторяющийся в этих фразах компонент (само слово “время”) мог быть соотнесен с этим осознанным понятием. Возможно, сходный исторический процесс он предполагал и для возникновения слова δίκαιον, ясное понятие которого возникло уже в древности, и других понятий, содержание которых трудно охватить при непосредственном восприятии (οὐ συνορέμενα). Мы предполагаем, таким образом, что заключительная фраза *Ep. Hdt.* 76 τοὺς δὲ τῷ λογισμῷ ἐλομένους κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν οὕτως ἐρμηνεύσαι подразумевает осуществляемый путем сопоставления выбор из различных, спонтанно произносившихся выражений того звукового сочетания, которое соответствует главной, прежде не сознаваемой причине их произнесения, — в результате данное слово получает его нынешнее значение. Также, как при усовершенствовании обычных слов, разум здесь играет лишь служебную роль, помогая соотнес-

либо обозначающее манеру произношения, употреблено здесь в связи с самыми тривиальными высказываниями. Напротив, глагол вполне уместен, если Эпикур подразумевает естественное происхождение этих выражений, связанное с эмоциональным воздействием предметов на первых людей. Это предположение высказано Д. Седли (*Sedley*, op. cit., 59), который указывает на употребление ἀναφονέω специально в связи с первыми звуками в *Ep. Hdt.* 76 (пассаж, посвященный οὐ συνορέμενα τράγματα!) и у Деметрия Лаконского (*PHerc* 1012, col. LXVII *Puglia*, cp. *Sedley*, op. cit., 18, not. 89). См. также сочинение Эпикура под названием Ἀναφονήσεις (*Philod. De ira*, col. XLV, 5 *Wilke*), в котором тот разъясняет значение слов: заглавие, как предполагает Седли, указывает на их естественное происхождение. Добавим еще *Sext. Adv. math.*, I, 242 sq., где ἀναφονέω относится к первым, произнесенным в древности словам, и ἀναφόντεις в том же значении, *ibid.*, I, 143. Заметим, что Эпикур говорит об отдельных отрезках времени как φαντασίαι (*PHerc* 1413, col. 5 и 9, см. *M. Conche. Épicure...* 172, not. 6; см. также *Sext. Adv. math.* X, 181, выше прим. 87). Вспомним, что именно φαντασίαта, зрительные образы предметов, вызвали согласно *Ep. Hdt.* 75 у первых людей инстинктивные звуки. Возможно также, что наречие συγγενικῶς в *Ep. Hdt.* 72 следует относить к ἀναφονοῦμεν (“слова, которые мы от рождения произносим” cp. *Ep. Men.* 129) как подчеркивающее естественное происхождение этих выражений (τούτο περιφέροντες, вероятно, означает просто “часто припоминая эту очевидную реальность”, cp. сходное употребление περιφέρω, *Hdt.* VI, 86, 2; *Plat. Lach.* 180e). Не следует ли предположить, что частая у Эпикура рекомендация следить за обычным употреблением слова в языке была связана именно с тезисом об их естественном возникновении? Иными словами, не представляет ли собой теория спонтанного возникновения языка попытку защитить обыденный язык и закрепленные в нем значения?

ти звуки с теми явлениями, которые обуславливали их спонтанное произнесение.

А.Л.Верлинский,
Санкт-Петербургский университет.

Epicurus (*Ep. Hdt.* 75-76) assumed two stages of the formation of the *δύναματα*, spontaneous and rational. Things themselves influenced corresponding sound combinations at the first stage, and the variety of local conditions resulted in a variety of sound combinations and thus in a variety of languages. According to this paper, what happened at the rational stage was a reduction to uniformity of local deviations within the limits of each language area. Such a uniformity was achieved by eliminating those superfluous phonetic elements which were due to chance.

The highly debatable passage about οὐ συνορόμενα πράγματα (*Ep. Hdt.* 76) is interpreted here along the same lines. The interpretation prevailing nowadays is based on the conjecture by Meibom <ῶν> τοὺς <μὲν> ἀναγκασθέντας or on its later modifications, where τοὺς μὲν — τοὺς δέ are understood as implying φθόγγους. All versions of such an emendation imply that Epicurus speaks about two mutually independent modes of word formation for οὐ συνορόμενα πράγματα, instinctive and rational.

The manuscript reading may be, however, retained, either with a minimal emendation, suggested by Usener, who deleted τοὺς before ἀναγκασθέντας (as a result of dittography), or just as it is, as von der Mühl did. Τοὺς ἀναγκασθέντας must be understood as standing in attributive position in relation to τοὺς συνειδότας notwithstanding an unusual hyperbaton (analogical examples may be found in Attic prose). Hence τοὺς δέ in the second half of the sentence must indicate (the other category of) people, not sounds.

In accordance with such an understanding of the syntactical structure of the passage, the following interpretation of Epicurus' thought is suggested. At an earlier stage of cultural development one group of people introduced οὐ συνορόμενα πράγματα. The words designating these things appeared in the same way as labels for all other ones, i.e. people introducing οὐ συνορόμενα πράγματα uttered sounds spontaneously, being influenced by corresponding things themselves. We must suppose that, as in the case of usual objects, the naming of οὐ συνορόμενα produced a number of deviations. Moreover, such deviations must have been more significant, because of the complexity of such things. Later, at the next stage, some other people chose rationally (τῷ λογισμῷ ἐλομένους) among several variants those phonetic combinations which corresponded essentially to the principal cause (κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν) of the sound utterance, that is to the objects to be named themselves.

It is argued further that the characteristic of inventors as οἱ συνειδότες does not contradict the relating of their inventions to the earlier of the two

phases of cultural development. To this spontaneous phrase Hermachus and Lucretius assign not only the invention of fire, clothes and housing, but also the first social contract, and an understanding (through "more fine natures") of the utility of mutual non-violence. As the data of *TLG* shows, οἱ συνειδότες may be used absolutely, without a specification, only in legal sense of "witnesses". Hence, in our passage this word must be connected closely with πράγματα: οἱ συνειδότες are the men who comprehended these things and are not to be understood as special group of "experts" or "sages" in a generic sense, as has been suggested by some scholars. It is important for interpretation of the meaning of these things, that the verb συνειδέναι usually has no theoretical implications, but rather designates (apart from its use in a moral context) knowledge in a wide, ordinary sense, knowledge based on direct acquaintance with the event in question. Nor do οὐ συνοράμενα πράγματα in and of themselves imply any theoretical, or even philosophical knowledge, as it has been suggested by some scholars, including David Sedley. The usual meaning of συνοράω is "to notice", "to consider" or even "to comprehend" and not "to look up" or "see" in a literal sense. The negation οὐ normally means an eventual absence of some quality, not a constant one, as μή does. Consequently we must interpret οὐ συνοράμενα πράγματα as things that were not observed or comprehended for some time and not as totally unseen (purely rational concepts). We can suppose further that Epicurus points not to the fact of the previous obscurity of these things, for εἰσφέροντες makes this characteristic pleonastic, but rather to the essential difficulties of their comprehension.

Thus, we can suppose that Epicurus meant by οὐ συνοράμενα πράγματα the entities that were observed at the first, spontaneous stage of cultural development, but the names and the concepts of these entities were improved later, at the rational stage. The entities in question could be "justice", for example, and other concepts, such as "motion", "stay", on the one hand, and "liberty", "slavery" on the other, which all were for Epicureans τὰ συμπτώματα, accidental properties of physical bodies. All these qualities are thought to be comprehended primarily through the senses, though reason must play an important role at the stage of their final formation because of the variety of situations in which these qualities were comprehended. And these concepts could be characterised by Epicurus as οὐ συνοράμενα. *Ep. Hdt.* 72 shows that Epicurus considered it important to trace the use of the word "time" in different expressions ("short time", "long time", etc.) in order to grasp the physical reality behind these expressions. By comparing such pieces of reality, we can understand the entity itself, for which we use the word "time". One can suppose that Epicurus postulated something analogous concerning the historical process of word formation for this and other οὐ συνοράμενα πράγματα. At the first stage these entities, comprehended by the senses, influenced various utterances according to various circumstances. Later on, the rational cognition of these things was achieved by focusing on the constant content of related impressions and by choosing the constant phonetic variants that accompanied these impressions.